E29
89

29/89

М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

СУДЕБНИКЪ

1589 года.

Его значеніе и источники.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва
печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1902 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
К
Э 798052

Судебникъ 1589 года.

Его значеніе и источники.

Еще весною 1899 г. въ историческихъ журналахъ появилось извѣстіе, что среди рукописей Московскаго Архива Иностранныхъ дѣлъ, поступившихъ туда по завѣщанію собирателя Ѳ. Мазурина, найденъ Судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича 1589 г. Само собою понятно, какое нетерпѣливое любопытство возбудило это извѣстіе въ людяхъ, интересующихся исторіею русскаго права. Затѣмъ, лѣтомъ того же года, на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ сдѣланъ былъ докладъ объ этомъ памятникѣ г. Богоявленскимъ, т. е. тѣмъ самымъ лицомъ, которое нашло этотъ памятникъ при разборѣ рукописей Мазурина. Осенью того же года оканчивалось печатаніемъ новое изданіе нашего курса: „Обзоръ исторіи русскаго права“. Благодаря любезности г. Богоявленскаго, мы получили тогда же нѣсколько фототипическихъ снимковъ съ памятника и копіи съ нѣкоторыхъ статей его, особенно заинтересовавшихъ насъ по оглавленію памятника (также присланному намъ). Фототипіи не оставили сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ памятникомъ XVI в., а потому мы сочли возможнымъ воспользоваться для своего курса наиболѣе интересными статьями его, не предрѣшая вопроса о значеніи памятника среди законодательныхъ матеріаловъ. Самое изданіе памятника замедлилось: оно появилось лишь въ 1900-мъ году.

Такъ какъ я въ то же время былъ занятъ новымъ изданіемъ того выпуска своей Христоматіи по исторіи русскаго права, въ которомъ помѣщены Судебники и полагалъ, что самый вѣрный способъ истолкованія новаго памятника состоитъ въ сопоставленіи его

съ Судебникомъ царскимъ и въ подстрочныхъ комментаріяхъ къ нему, то и приготовилъ такое изданіе, которое, однако, мнѣ не было разрѣшено и остается въ рукописи.

Въ виду сказаннаго мы рѣшились ограничиться лишь общимъ изслѣдованіемъ этого памятника, т. е. опредѣлить его значеніе среди юридическихъ памятниковъ и, по возможности, происхожденіе, а затѣмъ указать его источники, какъ законодательные, такъ обычное право и собственный разумъ составителя Судебника, чѣмъ опредѣлится его научное значеніе. Лишь попутно, для указанныхъ цѣлей будутъ даны истолкованія нѣкоторыхъ частей текста. Не наша вина, если при этомъ, безъ наглядnаго сличенія съ текстомъ, многое для читателя можетъ оказаться не совсѣмъ яснымъ.

I.

Значеніе Судебника 1589 г. и происхожденіе его.

Загадочный памятникъ успѣлъ уже вызвать нѣсколько мнѣній о его значеніи.

При самомъ изданіи памятника высказано два мнѣнія: одно принадлежитъ издателю г. Богоявленскому, другое—проф. Ключевскому.

Первый говоритъ слѣд.: „Хотя Судебникъ и не былъ введенъ въ дѣйствіе, однако нѣтъ основанія думать, что онъ былъ проектомъ частнаго лица. На его *правительственное происхожденіе* указываетъ введеніе съ опредѣленной датой, которую мы не можемъ себѣ представить вымышленной. Заподозрѣть дѣйствительность того, что изложено во введеніи, мы не имѣемъ никакихъ основаній. Въ такомъ случаѣ *Судебникъ и. Ѳеодора Іоанновича является проектомъ, заслушаннымъ царемъ и его совѣтниками, но не введеннымъ въ дѣйствіе*“ (стр. XXII) [1]).

Мнѣніе проф. Ключевскаго иное и выражено такъ: „Издаваемый памятникъ—проектъ переработки Судебника 1550 года, *предприня-*

---

[1]) Подобное (но не тождественное) предположеніе высказано и нами до изданія Судебника, когда были извѣстны только фототипическіе снимки съ нѣсколькихъ листовъ его и въ томъ числѣ—заглавнаго. Но это было еще предположеніе, обставленное слѣдующею оговоркою: „До изданія Судебника опредѣлить значеніе его въ качествѣ источника науки нѣтъ возможности; нѣтъ пока возможности рѣшить, въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ законодательнымъ источникамъ. Одно кажется несомнѣннымъ, что это не кодексъ, имѣющій силу закона“ и т. д.

той вслѣдствіе приговора 14 іюня 1589 г., о чемъ говоритъ извѣстіе, читаемое во главѣ издаваемой рукописи". Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію издателя, проф. Ключевскій полагаетъ, что это не проектъ, разсмотрѣнный 14 іюня 1589 г., а проектъ, составленный вслѣдствіе рѣшенія царя и думы 14 іюня 1589 г.,

Если уже вѣрить буквальному тексту вступленія, то надо предпочесть первое мнѣнію второму. Но изъ нижеслѣдующаго будетъ, надѣюсь, видно, что ни того, ни другого мнѣнія принять нельзя. Если до изданія памятника, по одному заглавію его, можно было еще придти къ предположенію, что это оффиціальный проектъ, то послѣ его изданія такой взглядъ становится совсѣмъ невозможнымъ.

Памятникъ нельзя считать ни оффиціальнымъ проектомъ, созданнымъ въ силу рѣшенія царя и думы, ни закономъ, обсужденнымъ въ засѣданіи 14 іюня 1589 г.

Подтвержденіе этому (надѣемся—достаточное) найдемъ въ нижеслѣдующихъ замѣчаніяхъ, относящихся къ личности автора и отношеніи памятника къ законодательнымъ источникамъ его. Но предварительно остановимся на предисловіи его.

Оно читается такъ: „Црь і великиі князь Ѳедор Іванович всея Руси в лѣта 7097 іюня въ 14 день приговорил и уложил сеи Судебникъ со отцемъ своим духовнымъ патреярхом Московским Иевомъ, да с митрополитом Наогоротцким Алѣксандром и со всеми князми и бояры и со вселенским соборомъ по пърежнему уставу, по уложению отца своего блговернаго цря Івана Васильевичя всея Руси и прежних князеи и бояр, какъ впред судъ судити бояром, и околничим, и дворецкимъ, и казначиемъ, и дякомъ, и по городом намесникомъ, и по волостемъ земскимъ судьямъ и по всеи моеи гсдрве Рускои земъли; а впред всякие дела судить по сему судебънику і управы чинити по указу, какъ гсдрь укажет, с котораго дни уложит".

Если мы повѣримъ буквѣ предисловія, то начало его не оставляетъ сомнѣнія, что это законъ, уже обсужденный царемъ, думою и соборомъ, а отнюдь не проектъ (оффиціальный—или частный). Если бы это былъ только проектъ, то въ заглавіи его не могло стоять: „Царь... в лѣто 7097 іюня въ 14 день *приговорилъ и уложилъ сей судебникъ*", т. е. утвердилъ уже составленный проектъ. Итакъ, проектъ, составленный раньше, былъ принятъ царемъ и думою 14 іюня. Но въ томъ же заглавіи (въ концѣ его) находимъ уже нѣчто иное: „впредъ всякие дела судить по сему судебънику и управы чинити по указу, какъ государь *укажетъ*, съ котораго дни *уложитъ*". Значитъ, государь еще не указалъ, не уложилъ дѣла

судить по этому судебнику; для составителя его еще вопросъ, когда это будетъ. Первая часть заглавія идетъ противъ проф. Ключевскаго; послѣдняя же—отрицаетъ догадку издателя. Такихъ противорѣчій во вступительной части достаточно, чтобы подорвать довѣріе къ ея буквальному смыслу.

Итакъ, что же? Относится ли къ 14 іюня 1589 г. предписаніе составить проектъ, или, наоборотъ,—разсмотрѣніе и утвержденіе уже составленнаго проекта? Ни то, ни другое. Полагаемъ, что ни царь, ни дума и соборъ не принимали никакого участія въ составленіи этого памятника и, вѣроятно, никто изъ нихъ не зналъ о его существованіи. Думаемъ, что это—работа любителя, частнаго лица, быть можетъ и мечтавшаго когда-либо представить свой трудъ высшимъ властямъ.

Обращаемся къ прочимъ признакамъ предисловія. Оно начинается такъ, какъ обыкновенно начинаются законодательные акты, т. е. въ третьемъ лицѣ: „царь.... приговорилъ и уложилъ...“; но затѣмъ, въ срединѣ, рѣчь переходитъ въ первое лицо: „впредь судъ судити... по городомъ... и по волостемъ... и по всеи моеи гсдрве-Руской земъли“; такимъ образомъ текстъ переходитъ въ форму грамотъ, а не законовъ. Наконецъ, рѣчь заканчивается опять въ 3-мъ лицѣ: „какъ гсдрь укажет, съ котораго дни уложит“. Не только законъ, но и оффиціальный проектъ отнюдь не могъ допустить подобнаго изложенія. Далѣе памятникъ обозначаетъ государство такимъ терминомъ, который вовсе на былъ употребителенъ въ оффиціальномъ языкѣ XVI в.: „по всеи моеи гсдрве Руской земъли“. Такой терминъ, весьма употребительный въ 1-мъ періодѣ нашей исторіи, сохранился въ Московскомъ государствѣ только среди населенія и проникалъ въ литературные памятники; въ законахъ же и въ другихъ оффиціальныхъ актахъ, издаваемыхъ отъ имени правительства, всегда гоорилось о государствѣ или Россійскомъ царствіи.

Въ предисловіи совѣтниками царя находимъ патріарха Московскаго Іова и Новгородскаго митрополита Александра. Нельзя допустить мысли, чтобы оффиціальный проектъ—тѣмъ болѣе законъ—исказилъ титулъ патріарха, который ревниво оберегался духовными властями, именно титулъ патріарха Московскаго *и всея Руси*. Затѣмъ, если призваны были къ совѣщанію лица духовныя, то, разумѣется, не одинъ митрополитъ Новгородскій; тогда бы и было обозначено, какъ дѣлалось всегда: „со всѣмъ освященнымъ соборомъ“. Призыва отдѣльныхъ лицъ изъ духовенства мы не знаемъ изъ другихъ примѣровъ (не говоримъ уже объ ошибочномъ правописаніи: „патреярхом“, „наогоротцким“; это могло быть дѣломъ переписчика).

Наконецъ, что̀ наиболѣе важно, въ предисловіи упоминается „вселенскій соборъ“, какъ одна изъ составныхъ частей законодательной власти. Признавая памятникъ закономъ или оффиціальнымъ проектомъ, мы должны видѣть здѣсь непреложное свидѣтельство о бытіи земскаго собора въ 1589 году; если Судебникъ—законъ, утвержденный, между прочимъ, земскимъ соборомъ, то становится совершенно необъяснимымъ, почему этотъ законъ не опубликованъ и не введенъ въ дѣйствіе. Если же мы имѣемъ въ рукахъ проектъ, составленный вслѣдствіе рѣшенія, между прочимъ, земскаго собора 1589 г., то значитъ этотъ соборъ былъ созванъ по какому-либо другому дѣлу; въ такомъ случаѣ становится сомнительнымъ, почему въ памятникахъ того времени не сохранилось о немъ никакого упоминанія.

Вотъ сомнѣнія, которыя возникаютъ при ближайшемъ разсмотрѣніи предисловія и невольно наводятъ на мысль, что мы имѣемъ дѣло съ частною работою какого-либо грамотнаго человѣка, которому никто ея не поручалъ. Въ своей работѣ онъ скопировалъ свой источникъ—Суд. царскій, но при этомъ долженъ былъ приспособить заглавіе къ современности,—наименовавъ царя, тогда правившаго патріарха и Новгородскаго митрополита, тогда жившихъ. То обстоятельство, что онъ назвалъ только Новгородскаго митрополита, показываетъ, что составитель жилъ въ епархіи этого послѣдняго и его только и зналъ хорошо. Согласно съ своими собственными воззрѣніями на государство и законодательную власть, онъ говоритъ о Русской землѣ и вселенскомъ соборѣ, но не потому, что такой вселенскій соборъ (никогда оффиціально такъ не именуемый) дѣйствительно былъ въ 1589 году. Все это въ его глазахъ отнюдь не было злостнымъ подлогомъ, а самою невинною формою воспроизведенія источника—Судебника царскаго, съ примѣненіемъ къ современности. Мы знаемъ не мало весьма важныхъ памятниковъ автентичнаго характера съ вымышленными именами въ ихъ заглавіяхъ. напр., Константина В. въ извѣстномъ сборникѣ законовъ въ нашей Кормчей, Оттона В. въ Саксонскомъ Зерцалѣ. Всѣ эти примѣры отнюдь не указываютъ на злонамѣренные подлоги. Составители упомянутыхъ сборниковъ хотѣли придать только больше авторитетности своей работѣ, предполагая, что собираемые ими законы достойны имени этихъ великихъ императоровъ. Быть можетъ и авторъ Судебника думалъ провести свой сборникъ когда-либо въ дѣйствительность чрезъ людей, власть имѣющихъ.

Таковы сомнѣнія, наводимыя предисловіемъ. Но это пока только сомнѣнія и догадки; до опубликованія всего памятника, на нихъ

нельзя было опереться окончательно и сдѣлать рѣшительный выводъ. Теперь же, когда памятникъ напечатанъ весь, высказанныя положенія становятся несомнѣнными на другихъ основаніяхъ, извлеченныхъ изъ содержанія памятника. Здѣсь почерпаемъ мы дальнѣйшія свѣдѣнія о личности автора Судебника и его работѣ; къ нимъ и переїдемъ теперь.

Кто былъ авторомъ Судебника? Разумѣется, съ положительной стороны самъ памятникъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ; но онъ даетъ несомнѣнныя отрицательныя указанія, что составитель не былъ юристомъ и знатокомъ тогдашнихъ законовъ, не былъ человѣкомъ средней образованности: это былъ провинціалъ сѣверной Россіи и принадлежалъ къ простонародной массѣ начетчиковъ.

Составитель С. ц. Ѳ. I. обнаруживаетъ весьма слабое юридическое развитіе. Для убѣжденія въ этомъ достаточно сличить статьи этого памятника съ соотвѣтствующими статьями источниковъ его, которые онъ не просто переписываетъ, а передѣлываетъ или, лучше, передаетъ по своему. Весьма часто въ этихъ случаяхъ очевидно искаженіе текста Судебника 1550 г. или Указа 1556 г. Многое въ этихъ ошибкахъ должно быть отнесено на счетъ переписчиковъ,—многое, но не все. Нельзя винить переписчика, если мы встрѣчаемъ цѣлыя фразы, придающія иной—неправильный—смыслъ постановленію источника. Ограничимся анализомъ только нѣкоторыхъ статей. Возьмемъ статьи 163—167, въ которыхъ излагается законъ Судебника 1550 г. о вотчинахъ. Вѣроятно, вотчинное право,—это право преимущественно высшихъ классовъ,—совсѣмъ было незнакомо простому человѣку—автору Суд. ц. Ѳ. I., ибо здѣсь на каждомъ шагу онъ обнаружилъ непониманіе текста Судебника ц—го. Первое и основное правило родового выкупа вотчинъ по Суд. ц—му есть то, что нисходящіе продавца не имѣютъ права выкупа, а равно и тѣ изъ боковыхъ родственниковъ, которые были свидѣтелями при продажѣ. Составитель Суд. ц. Ѳ. I., напротивъ, даетъ совсѣмъ иное постановленіе: если свидѣтелями сдѣлки будутъ боковые, то дѣти и внучата продавца теряютъ право выкупа. Съ перваго разу можно подумать, что онъ преднамѣренно измѣняетъ прежній законъ, хотя связь между причиною и слѣдствіемъ является здѣсь явнымъ абсурдомъ: почему право *нисходящихъ* на выкупъ зависитъ отъ присутствія боковыхъ при сдѣлкѣ? Но слѣдующая статья (164-я) рѣшаетъ наше недоумѣніе весьма просто: въ Суд. Іоанна IV говорится далѣе о томъ, что право выкупа не простирается на имущества благопріобрѣтенныя: „До *купель* имъ (родственникамъ) дѣла нѣтъ“. Авторъ С. ц. Ѳ. I. ошибочно прочи-

тать слово „ку́пель“ и вмѣсто этого поставилъ: „*до купцевъ* детемъ его і внучятомъ дела нетъ“. А такъ какъ такая фраза, стоящая отдѣльно, совсѣмъ была бы лишена смысла, то онъ связалъ ее съ предыдущею, гдѣ рѣчь идетъ о срокахъ давности для выкупа: „а дале сорока лет вотчиньникомъ до вотчины дела нет, до купцевъ детемъ его і внучятомъ дела нетъ“. Такимъ образомъ, послѣдняя фраза уже не есть простая безсмыслица, а ненужное повтореніе предыдущей фразы взамѣнъ отдѣльнаго и очень важнаго постановленія Суд. царскаго. Здѣсь уже нельзя усмотрѣть намѣренной замѣны прежняго закона новою (хотя бы и нелѣпою) нормою; здѣсь простое непониманіе текста Судебника. Нельзя поставить этого въ вину переписчику, потому что тутъ создана цѣлая фраза, грамматически правильная. Далѣе, Судебникъ 1550 г. ведетъ рѣчь о другой также очень важной нормѣ, именно о переходѣ благопріобрѣтенныхъ имуществъ въ родовыя путемъ передачи ихъ въ наслѣдство законнымъ преемникамъ и говоритъ, что когда купленная вотчина переѣдетъ въ наслѣдство дѣтямъ, то она уже подлежитъ праву родового выкупа. Вмѣсто этого составитель Суд—ка ц. Ѳ. I. ставитъ слѣдующее совершенно ненужное постановленіе: „А хто после живота своего отпишет деревню детем, то имъ и водчина в векъ“. И только; какъ будто могло быть сомнѣніе, что правильно наслѣдовавшій имущество есть собственникъ его! Сущность нормы вся исчезла опять вслѣдствіе непониманія текста источника. Далѣе Суд—къ царскій даетъ еще одно существенное постановленіе: кто выкупитъ вотчину (на правахъ родственника), тотъ уже не можетъ отчуждать ее въ чужой родъ. Авторъ С. ц. Ѳ. I. сначала выписываетъ фразу источника правильно, но потомъ неожиданно портитъ все дѣло прибавкою: „ни продати, ни заложити в чюжен род, *кому хочет полюбовно*“. Здѣсь совсѣмъ нельзя отыскать смысла, но нельзя отыскать и вины переписчика, который, конечно, не выдумывалъ цѣлыхъ фразъ отъ себя. Наконецъ, Суд—къ царскій ведетъ рѣчь о залогѣ родовыхъ вотчинъ и правѣ выкупа ихъ родственниками по оцѣнкѣ; авторъ С. ц. Ѳ. I. полагалъ, что рѣчь продолжается о проданныхъ вотчинахъ и говоритъ о правѣ купившаго вотчину заложить ее, по крайней мѣрѣ на такое предположеніе наводитъ слѣдующій неясный текстъ его: „А станет тот *продавец и купецъ* иным людемъ закладывати...“ Все это не вина переписчика. Грѣхи этого послѣдняго легко отличить въ той же статьѣ, когда вмѣсто „вотчинникъ“ читаемъ: „водчину“, вмѣсто „стòитъ“—„стоина“.

Для наглядности сопоставимъ тексты Судебника 1550 г. и Судебника 1589 г. Читатель самъ можетъ судить, чѣмъ объясняется разница этихъ текстовъ.

Судебникъ 1550 г.	Судебникъ 1589 г.
Ст. 85.	*Ст. 163.*
А о вотчинахъ судъ. Кто вотчину продастъ, и дѣтемъ его и внучятомъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ, и не выкупити ее имъ; а братья будутъ или племянники въ тѣхъ купчихъ въ послусѣхъ,— и имъ и ихъ дѣтемъ и внучятомъ до тоѣ отчины потому жъ дѣла нѣтъ. А не будетъ братьи въ послусѣхъ или племянниковъ,— и братья, или сестры, или племянники ту вотчину выкупятъ. А станетъ тотъ купецъ ту отчину продавати, и тѣмъ продавцомъ [1]) ту вотчину у нихъ купити полюбовно, какъ ему тотъ продавецъ ту вотчину продастъ, а не полюбовно ему вотчины не выкупити.	А суд о вотчинах. А хто вотчину продастъ, а будет у купчих в послусех брат, или сестра, или племянникъ [1]),—и детемъ его і внучятомъ до тое вотчины вѣкъ дела нет; а не будет брата, ни племянниковъ, ни родни у купчие в послусехъ,—и дети [2]) его і внучята отцеву вотчину выкупят. А будетъ тот купецъ отпродастъ им назадь, какъ ему стоитъ, и им купити [3]).
Ст. 164.	
А судити о вотчинѣ за сорокъ лѣтъ; а далѣе сорока лѣтъ вотчичемъ до вотчины дѣла нѣтъ; *а кто куплю продастъ*,—и дѣтемъ, и братьѣ, и племянникомъ тоѣ купли не выкупити [2]).	А судити о вотчинах за сорок лѣтъ, а дале сорока лет вотчинникомъ до вотчинъ дела

[1]) Т. е. нисходящіе и тѣ боковые, которые были послухами, могутъ купить обратно вотчину, но только полюбовно (не на правахъ родового выкупа).

[2]) Во второй половинѣ пункта рѣчь идетъ о продажѣ благопріобрѣтен-

[1]) Это — второе условіе, ошибочно взято изъ слѣдующаго пункта статьи царскаго Суд.; отсюда вся путаница.

[2]) Дѣти и др. нисходящіе никогда не имѣли права родового выкупа.

[3]) Опущенъ терминъ: „полюбовно“, а потому и этотъ пунктъ лишился смысла. Здѣсь рѣчь идетъ не о родовомъ выкупѣ, а о полюбовномъ, а потому нѣтъ указаній на выкупъ по цѣнѣ продажи (см. Суд. ц. Ѳ. I., стр. XV).

А кто напишетъ свою куплю дѣтемъ своимъ послѣ своего живота,—ино имъ та вотчина: то имъ держати въ вотчину, и впередь имъ та вотчина выкупити, по тому жъ указу, за вотчину [1]).

А кто вотчину свою выкупитъ въ тѣ урочные сорокъ лѣтъ, и та ему вотчина держати за собою, а иному ему тоѣ вотчины не продати, ни заложити въ чужой родъ; а отдати ему та вотчина въ свой родъ, по тому жъ, кого въ прежнихъ купчихъ въ послусѣхъ нѣтъ [2]).

А кто выкупитъ вотчину чужими деньгами, *или заложитъ или продастъ*, а доведетъ на него продавець, что онъ выкупилъ чужими деньгами и держитъ ее

нет, до купцевъ детемъ его і внучятом дела нет [1]).

Ст. 165.

А хто после живота своего отпишет деревню детем, то имъ и водчина в векъ [2]).

Хто вотчину выкупит в те уроч-
ные сорок лет, и та ему водчина деръжати за собою, а иному ни продати, ни заложити въ чюжеи род, *кому хочет полюбовно* [3]).

Ст. 166.

А хто стороннеи члкъ дастъ денги, а молвыт: „выкупи свою водчину, а не надобе себе, ино яз в неи живу“,—а доведет на него продавецъ, что он скупил чюжыми деньгами, а держит не за собою, ино та деревня первому купцу безденежно, а у того денги пропали у стороннего.

ныхъ имуществъ, которыя праву родового выкупа не подлежатъ.

[1]) Т. е. благопріобрѣтенныя имущества, по переходѣ въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, становятся родовыми и подлежатъ праву родового выкупа.

[2]) Т. е. выкупившій вотчину (по праву родового выкупа не можетъ ее передать кромѣ своихъ родичей, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые лишены этого права, какъ участвовавшіе въ сдѣлкѣ (въ качествѣ послуховъ) при отчужденіи ея чужеродцу. Авторъ Суд—ка ц. Ѳ. I. этого не понялъ и потому опустилъ все это постановленіе.

[1]) Суд. ц. Ѳед. I., не понявъ текста Судебника царскаго, выпустилъ фразу о *купленныхъ* вотчинахъ и продолжаетъ рѣчь о родовыхъ, въ ущербъ всякаго смысла.

[2]) Авторъ С-ка ц. Ѳ. I., не понявъ разницы между родовыми и благопріобрѣтенными имуществами, передѣлываетъ резонную норму Суд—ка царскаго въ постановленіе, лишенное всякаго значенія.

[3]) Подчеркнутая фраза вставлена безъ нужды и лишена смысла.

не за собою,—и та вотчина прежнему продавцу безденежно [1]).

А кто похочетъ впередъ свою вотчину мимо вотчичевъ заложити у стороннего человѣка, и тѣмъ стороннимъ людемъ — не вотчичемъ, тѣ вотчины въ закладъ имати въ толкѣ, чего та вотчина стоитъ.

А возметъ кто стороннеи человѣкъ, а не вотчичь, вотчину въ закладъ болши тоѣ цѣны, чего та вотчина стоитъ, и кто вотчичь учнетъ бити челомъ, что закладываетъ, или уже заложилъ въ чужоїї родъ,—и тому вотчичу та вотчина въ закладъ взяти въ мѣру, чего та вотчина стоитъ; а что тотъ денегъ въ заїмы далъ лишекъ, болши тоѣ цѣны, чего та вотчина стоитъ,—и у того тѣ денги пропали.

А кто свою вотчину промѣнитъ не вотчичю, а приметъ денегъ, и кто вотчичь учнетъ ту вотчину выкупати, — и тому та вотчина выкупити, а земли ему оставити въ мѣру столко, сколко онъ своеї земли промѣнилъ.

[1]) Подчеркнутыя слова не поняты авторомъ Судебника ц. Θ. I., а между тѣмъ они означаютъ, что тотъ, у кого отчуждена вотчина путемъ родового выкупа, получаетъ право иска не только тогда, когда вотчина выкуплена чужими деньгами, но и тогда, когда выкупленная вотчина потомъ продана или заложена выкупившимъ ее.

А станет тот продавец и купець [1]) иным людемъ закладывати, и темъ стороннимъ людемъ имать та вотчина под заклад, а деньги давать, чево та деревня стоина (*т. е. стоитъ*).

А возмет хто сторонъиеи члкъ, а не водчину (?), в заклад болше того (?) цены, чего та вотчина стоит, и хто водчинникъ учнет бити челомъ, что закладывает или уже заложил в чюжеи род, — и тому водъчиннику в заклад взяти в меру, чего та водчина стоит; и что тот денги лишек далъ взаимы, то у того пропало [1]).

Ст. 167.

А хто водчину променит, а примет денег, и хто водчинникъ учнет ту водчину выкупати,—и ему своя водчина выкупати, а земли ему оставить столко, сколко своея вотчины земли променил [2]).

[1]) Такое сочетаніе терминовъ въ отношеніи къ одному и тому же лицу показываетъ, что составитель С-ка ц. Θ. I. окончательно запутался въ понятіяхъ царскаго Суд-ка о родовыхъ имуществахъ; онъ все продолжаетъ рѣчь о продажѣ ихъ, тогда какъ Суд—кь царскій уже перешелъ къ *залогу* вотчинъ.

[2]) Послѣдніе два пункта составитель Суд—ка ц. Θ. I. выписываетъ изъ Суд—ка царскаго буквально, а потому и не грѣшитъ, хотя въ послѣдней строкѣ, пропустивъ слово: „онъ“, спутываетъ смыслъ постановленія.

Относительно уголовныхъ понятій отмѣтимъ статьи 113 и 114 (которыя воспроизводятъ статьи 59 и 60 Суд. царскаго). Въ первой изъ нихъ говорится, что если на кого доведутъ татьбу, разбой, душегубство, или ябедничество, или подписку ручную или кабальную (по оглавленію правильнѣе: „ручную кабальную“, т. е. подлогъ подписи на актѣ договора), или иное какое бы то ни было лихое дѣло, а обвиненный будетъ „вѣдомый лихой человѣкъ“, то его казнить смертною казнію, а потерпѣвшему заплатить изъ имущества преступника. Впрочемъ, совершившій подлогъ карается не смертью, а кнутомъ и пенею, что̀ государь укажетъ. Если у какого преступника (въ подлин. „татя“) нѣтъ имущества для удовлетворенія потерпѣвшаго, то его не выдавать истцу головою (для отработки долга), а казнить смертною казнію. Боярамъ и судьямъ съ такихъ дѣлъ не брать ничего.

Во второй (114-й) статьѣ читаемъ: „А (доведутъ) на кого татбу, или дшегубство, или иное лихое дело, *оприч розбою*, а в которомъ городе или въ волосте ведомои злои члкъ, и намеснику его казнити смертною казнию; исцево платить из его животовъ; что останетце за исцевым, и то имать намеснику и судие. А нечемъ исцева заплатити, и его казнить смертною казнию“.

Читатель совершенно недоумѣваетъ, почему явилось двѣ статьи, стоящія рядомъ, объ одномъ и томъ же съ тождественнымъ содержаніемъ, и почему при этомъ во 2-й статьѣ изъ общей наказуемости изъятъ разбой („оприч розбою“; о ябедничествѣ и подлогѣ умолчано)? Безъ сличенія съ Судебн. царскимъ загадка осталась бы неразрѣшимою; она и была таковою для составителя Судебника 1589 г. Онъ, очевидно, не понялъ текста источника и пропустилъ существенную часть статьи 60-й царскаго Судебника, о томъ, что дѣла о разбоѣ подлежатъ вѣдомству губныхъ властей; въ этомъ и весь секретъ искаженныхъ постановленій о важнѣйшихъ уголовныхъ дѣяніяхъ въ Судебникѣ 1589 года.

Что касается до понятія о другихъ уголовныхъ дѣлахъ, то образчикомъ можетъ служить ст. 39 Суд. 1589 г. о боѣ и грабежѣ, повторяющая статью 25 царскаго Судебника. Но царскій Судебникъ здѣсь имѣлъ въ виду раздѣлить два разнородныхъ вида преступныхъ дѣяній, которыя, однако, прежде постоянно шли вмѣстѣ, именно бой (преступленіе противъ личныхъ правъ) и грабежъ (преступленіе противъ правъ имущественныхъ). Между тѣмъ Судебникъ 1589 г., какъ разъ вопреки цѣли закона, говоритъ: „А скажет он, что грабил, а не бил, ино то доправити имянно, что грабил, а в пене что гсдрь укажет, *и безчестие взяти по члку*“. Такимъ обра-

зомъ, цѣль закона совершенно исчезла: грабежъ опять является преступленіемъ противъ чести и, слѣдовательно, опять сливается съ бремъ.

При такомъ смутномъ пониманіи уголовныхъ законовъ Судебника, тѣмъ удивительнѣе встрѣтить ясное и правильное опредѣленіе мошенничества, вполнѣ уясняющее темную статью Судебника царскаго о томъ же. Объясненіемъ этой загадки можетъ служить предположеніе, что въ спискѣ Судебника, который былъ въ рукахъ у автора нашего памятника, эта статья была изложена яснѣе и правильнѣе, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ Судебника ц—го.

Изъ текста статей о холопствѣ можно усмотрѣть, что многое въ законахъ о рабствѣ было непонятно автору памятника, вѣроятно потому, что онъ жилъ въ такой странѣ, гдѣ рабства фактически не существовало. Возьмемъ для анализа статью 136-ю объ источникахъ холопства: „По полным кабаламъ и по грамоте холонъ з докладу зъ женою и з детьми, которые дети у одного гсдря в одной крепосте родилъся и в холопстве“. Здѣсь а) въ словахъ: „по кабаламъ и по грамоте“, указываются два источника холопства, тогда какъ въ дѣйствительности это одинъ и тотъ же источникъ („полная грамота“); б) въ словахъ: „з докладу“, содержится большая ошибка, ибо намѣстники съ судомъ боярскимъ могли укрѣплять полныя грамоты и безъ доклада, какъ о томъ говоритъ и самъ Судебникъ 1589 г. (со словъ Судебника царскаго) въ своей 117-й ст.; в) источники холопства для дѣтей совсѣмъ искажены въ словахъ: „у одного гсдря въ одной крепосте родилъся и в холопстве“; здѣсь перепачено выраженіе Судебника царскаго: „которые дѣти у одного государя съ нимъ въ одной крѣпости и которые породились въ холопствѣ“, т. е. тѣ, которые записаны въ актѣ укрѣпленія вмѣстѣ съ отцомъ, и тѣ, которые потомъ родились, когда отецъ уже состоялъ въ холопствѣ. Послѣднее искаженіе можно бы отнести на счетъ переписчика, именно считать результатомъ пропуска словъ: „и которые“. Но предыдущія два искаженія, не допускающія такого объясненія по самой формѣ фразы, заставляютъ думать, что и въ третьемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ плохимъ пониманіемъ авторомъ своихъ источниковъ.

Подтвержденіемъ той же мысли служатъ дальнѣйшія искаженія въ статьяхъ о холопствѣ. Такъ, въ ст. 141-й Судебникъ 1589 г. старается воспроизвести ст. 78-ю царскаго Судебника, которая говоритъ о томъ, что если вольные люди станутъ на себя давать кабалы за рость служить, то сумма такой кабалы не должна превышать 15 р. Прежнія кабалы, въ которыхъ назначена сумма выше

этой нормы, должны быть предъявляемы боярамъ для новаго укрѣпленія (приложенія печати).

Смыслъ этого вторичнаго укрѣпленія заключается въ томъ, чтобы сохранить за прежними кабалами ихъ силу, несмотря на противорѣчіе ихъ новому закону. Составитель Судебника 1589 г. не понялъ этой цѣли закона и вообразилъ, что старыя кабалы надо предъявлять боярамъ для передѣлки ихъ согласно съ новыми требованіями закона; вслѣдствіе этого онъ перетолковалъ по своему текстъ источника и создалъ рядъ выраженій, лишенныхъ ясности и точности: „а старые кабалы, кои преж сего на простых людей писаны болше петинатцети рублев, *и те кабалы переписывати*, а темъ людемъ у них за росты служити; а темъ людемъ приносити кабалы к бояромъ и детем боярскимъ печяти прикладывати, а діаком подписывати. І вирд хто кабалу оболживит, і та кабала вершить по суду“ (дальнѣйшія слова относятся къ слѣдующей статьѣ и ошибочно приписаны писцомъ къ этой). Фраза, вставленная авторомъ Судебника 1589 г.: „и те кабалы переписывати“, показываетъ, что онъ, неправильно появъ мысль источника, не только самъ впалъ, но и нынѣшнихъ изслѣдователей ввелъ въ заблужденіе, что старыя кабалы могутъ быть измѣнены согласно съ требованіями новаго закона, т. е. написаны на сумму не выше 15 рублей. Но и Судебникъ царскій и за нимъ нашъ памятникъ твердо обозначаютъ принципъ, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ (см. ст. 199).

Какъ ни важны доказательства малой юридической подготовленности автора, взятыя изъ сферы понятій гражданскаго и уголовнаго права, но рѣшительнымъ показателемъ въ этомъ отношеніи могутъ быть его свѣдѣнія въ процессуальномъ правѣ. Процессъ—это именно та среда, въ которой были такъ сильны приказные дьяки, и въ которой именно были безпомощны простые люди, особенно сельскаго состоянія. Да и по существу дѣла процессъ есть наиболѣе сложная и трудная часть права.

Оказывается, что въ этомъ отношеніи нашъ авторъ совсѣмъ безсиленъ; онъ не былъ въ состояніи уловить самые существенные пункты ученія своихъ источниковъ и дѣлаетъ крупные промахи на каждомъ шагу.

Такъ какъ процессу посвященъ спеціально одинъ источникъ Судебника 1589 г., именно указъ 1556 г., то мы и обратимся къ тѣмъ статьямъ памятника, которые заимствованы имъ изъ этого указа.

Указъ начинается пространнымъ введеніемъ, описывающимъ тогдашнее неудовлетворительное состояніе дѣла въ процессуальныхъ порядкахъ и злоупотребленія въ нихъ. Само собою разумѣется, что эта вступительная часть не имѣетъ никакого законодательнаго значенія, т. е. не заключаетъ въ себѣ какихъ-либо постановленій и санкцій. Постановленія начинаются затѣмъ въ отдѣльныхъ статьяхъ. Авторъ Судебника 1589 года не понялъ этого и рѣшился изъ вступительной части выкроить постановленія съ санкціями и, натурально, впалъ въ грубое заблужденіе, запутавъ дѣло окончательно, тѣмъ болѣе, что потомъ, при копировкѣ дѣйствительныхъ статей указа 1556 г., ему опять пришлось говорить о томъ же.

Сопоставимъ нѣсколько статей указа 1556 г. съ Судебникомъ ц. Ѳ. I. и присоединимъ свои комментаріи къ нимъ.

Указъ 1556 г.	Судебникъ ц. Ѳ. I.
Ст. 8.	*Ст. 215.*
А пошлется на судѣ ищея или отвѣтчикъ на боярина, или на діяка, или на приказного человѣка, кому мочно вѣрити, посмотря по дѣлу; и тоѣ правды не отставливати, а какъ скажутъ, по тому и вершити, безъ поля и цѣлованія.	А пошълетца в суде ищея или ответчикъ на боярина, или на прикащика, или въ волосте на добраг(о) члка, или на целовалника, или на старосту волостнаго, или на цркъвнаг(о), іли дияка, кому мочно вирити, тое правды спросити, и что скажет как, дело вершити без целованія [1]).
Ст. 9.	*Ст. 216.*
А пошлется на судѣ ищея или отвѣтчикъ изъ виноватаго, *хотя на одного человѣка*,—и тоѣ правды	А будет ищея или ответчикъ сошълютца *на одного члка* из виноватаг(о) в слух і в ведомо, и

[1]) Измѣненная: попытка существенныхъ измѣненій заключается въ томъ, что по ук. 1556 г. людьми, заслуживающими особаго довѣрія, признаны только бояринъ, дьякъ и приказный человѣкъ (т. е. люди служилые); по С. ц. Ѳ. I. та же квалификація распространена на людей неслужилыхъ (хотя въ оглавленіи стоитъ: „на власныхъ людей“), именно на приказчиковъ, волостного добраго человѣка (крестьянина), цѣловальника, на старостъ волостного (земскаго) и церковнаго. Городскіе люди вовсе забыты. Это опять свидѣтельствуетъ, что составитель С. ц. Ѳ. I. былъ не приказный дѣлецъ, и не городской житель, а деревенскій обыватель. Указаніе на „поле“ (суд. поединокъ), содержащееся въ указѣ 1556 г., здѣсь выпущено сознательно.

не отставливати, что скажетъ, по тому и винити, безъ поля и безъ цѣлованія; а хотя невеликимъ словомъ не договоритъ, и *тѣмъ обвинити.*

Ст. 10.

А бояромъ, и діякомъ, и всѣмъ приказнымъ людемъ, и дворянóмъ приказати, чтобъ они приказали въ своихъ селѣхъ накрѣпко, чтобъ въ обыскѣхъ люди ихъ и крестьяне не лгали, а говорили вправду; а сыщется то, что люди ихъ и крестьяне солжутъ въ обыскѣхъ, и самимъ бояромъ и дѣтемъ боярскимъ отъ государя быти въ тое правды опросити; и что скажет такъ-же, как дело вершити без целован(ь)я. И хоти правда не великимъ словом не договорит, и *темъ не винити* иска или ответчика [1]).

Ст. 217.

А бояром, и діякомъ, и всем приказнымъ людемъ приказывати въ своих земълех своимъ крестияном, чтобы оне в обысках говорили правду, что знают. А сыщут, что их хрестияне лгали в обысках, і в том бояремъ самим быт(ь) от гдря в опале, а крестиянам быти казненымъ от гсдря, как в разбоиных делех [2]).

---

[1]) Испорченная: ссылка изъ виноватыхъ имѣетъ безусловное значеніе, что̀ признаетъ и С. ц. Ѳ. I. (и что скажет.., дело вершити"); но въ концѣ, вмѣсто: „хотя невеликимъ словомъ не договоритъ, и тѣмъ обвинити", здѣсь неожиданно читаемъ: „хоти правда невеликимъ словом не договорит и темъ *не* винитъ иска или ответчика". Такой обратный смыслъ признаемъ случайною порчею текста, а не преднамѣреннымъ измѣненіемъ (судя по грамматической формѣ рѣчи). Въ оглавленіи: „пошълютца из виноватого оба", т. е. разумѣется не ссылка изъ виноватаго, а общая ссылка. Но это совсѣмъ не соотвѣтствуетъ указу 1556 г.

[2]) Здѣсь С. ц. Ѳ. I, повторяя почти буквально Указъ, дѣлаетъ, однако, слѣдующія отступленія: вмѣсто *людей* и крестьянъ, онъ вездѣ говоритъ только о крестьянахъ, чѣмъ уничтожается чрезвычайно важная черта древне-русскаго права—допущеніе людей несвободнаго состоянія къ такой высокой роли въ процессѣ, какъ обыскъ. Трудно сказать, сдѣлано-ли это сознательно, или вслѣдствіе обычныхъ недомолвокъ памятника. Далѣе С. ц. Ѳ. I. въ перечисленіи землевладѣльцевъ пропускаетъ дворянъ, т. е. самый многочисленный классъ ихъ. Наконецъ, ст. 11-я Указа 1556 г. получила совсѣмъ иной и притомъ неправильный смыслъ: Указъ говоритъ, что владѣльцы, извѣстившіе о томъ, что ихъ люди лгали, не подвергаются наказанію: это совершенно необходимое дополненіе къ ст. 10-й (иначе владѣлецъ всегда подвергался бы опалѣ, когда его крестьяне окажутся лгунами на обыскѣ) въ С. ц. Ѳ. I. получило такой видъ: владѣльцы каждый разъ должны засвидѣтельствовать, что крестьяне *не лгали*, чтобы обыскъ былъ признанъ правильнымъ. Въ такомъ случаѣ не было бы и надобности въ обыскѣ: достаточно спросить однихъ владѣльцевъ. Повидимому и это есть простое недоразумѣніе составителя Судебника ц. Ѳ. I.

великоїи опалѣ, а людемъ ихъ и крестьяномъ быти кажненнымъ, какъ и въ разбоїйныхъ дѣлѣхъ.

Ст. 11.

А свѣдаетъ боярінъ, или діякъ и всякоїи приказноїи человѣкъ, или дворянинъ, и всякоїи сынъ боярскоїи, что въ обыску люди ихъ и крестьяне *лали*,—и имъ сказати вправду государю, и въ томъ ему отъ государя опалы нѣтъ, а дѣло сысковъ вправду вершити.

Ст. 12 и 13.

Ст. 14.

А посылати къ старостамъ и къ цѣловальникомъ грамоты съ недѣлщики, запечатавъ; и старостамъ, сыскавъ вправду всякими сыски, и написати, и прикласти всѣмъ свои руки (а кто грамотѣ

А зведают бояре и пъриказные, что хрестияне в обыскахъ *не лали*, сказали правду, ино им сказывати гсдрю, дело сыскав, по тому вершити.

Ст. 219.

...не учнут гсдрю отписывати, ино имъ от гсдря быти будет кизь без милости [1]).

Ст. 220 [2]).

А посылати старостам недельщиков со обысками к Москве и, сыскав имъ про всякое дело, и руки свои прикладывати. А кои грамоте не умеют, ино отцы бы их духовные руки свои прикла-

---

[1]) Статьи 218 и 219 утрачены, такъ какъ листъ 87-й единственнаго списка С. ц. Ѳ. I. вырванъ; уцѣлѣло только нѣсколько заключительныхъ словъ стат. 219-й. Но эту потерю нельзя признать очень тяжкою: въ утраченныхъ статьяхъ передавалось содержаніе ст. 12-й и 13-й указа 1556 г., именно объ отвѣтственности губныхъ старостъ за правильность обыскныхъ показаній по дѣламъ уголовнымъ, какъ это и выражено въ оглавленіи С. ц. Ѳ. I.,—сюжетъ, достаточно извѣстный изъ другихъ источниковъ (см. Ул. ц. А. М. XXI).

[2]) Сокращенная. Указъ предписываетъ губнымъ старостамъ послать въ Москву обыскные списки за своими печатями и въ грамотѣ точно описать, какая у нихъ печать (въ огражденіе отъ подлога; казенныхъ печатей не было въ распоряженіи подчиненныхъ органовъ), С. ц. Ѳ. I. вмѣсто этого устанавляетъ форму печати: на ней должно быть начерчено имя старосты. Впрочемъ, можетъ быть и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ недоразумѣніями редакціи С. ц. Ѳ. I. Постановленіе о томъ, чтобы недѣльщики (присланные изъ Москвы съ грамотою о производствѣ обыска) не участвовали въ производствѣ его, здѣсь опущено, между тѣмъ оно очень важно для огражденія безпристрастія обыска отъ вмѣшательства сторонихъ московскихъ чиновниковъ.

не умѣетъ, ино отцомъ ихъ духовнымъ въ ихъ мѣсто рука приложити), да запечатавъ своею печатью, прислати съ тѣмъ, кто къ нимъ грамоту привезетъ; а старостамъ печати свои писати имянно въ грамотахъ, каковы ихъ печати; и недѣлщикъ или ѣздокъ отдастъ бояромъ въ ту избу, изъ которыя пошлютъ. А недѣлщикомъ съ старостами не обыскивати и никотораго дѣла съ ними не дѣлати, а возити грамоты для своего ѣзду.

Ст. 15.

А досудятся въ которомъ дѣлѣ до поля, а станетъ бити челомъ отвѣтчикъ, что ему стояти у поля не мочно, чтобъ присудили крестное цѣлованіе,—ино поле отставити, а дати на волю истцу, хочетъ самъ цѣлуетъ, ино ему дастъ. А учнетъ бити челомъ ищея, ино по томужъ дати отвѣтчику на волю.

дывали да, запечятав своими печятми, прислати к Москве, а в печяте писати старосте свое имя.

Ст. 221.

А досудятца в котором деле до поля, и станет ответчик бити челомъ, что ему не мочно стоят(ь) у поля, чтобы ему присудили целован(ь)е, ино поле отставити, а дати кресное целован(ь)е на ответчикову волю [1]). А учнет...

[1]) Настоящая статья въ С. ц. Ѳ. I. является неоконченною, за утратою въ спискѣ еще одного листа (происшедшею еще до нумераціи списка, которая этимъ пробѣломъ не прерывается). Постановленіе указа 1556 г. здѣсь изложено въ обратномъ смыслѣ, а именно: указъ говоритъ, что если *отвѣтчикъ* потребуетъ, вмѣсто поля, крестнаго цѣлованія, то оно присуждается и отдается *на волю истцу*: хочетъ, самъ присягаетъ, или предоставитъ отвѣтчику. С. ц. Ѳ. I., напротивъ, говоритъ, что если *отвѣтчикъ* потребуетъ присяги, то она дается *на отвѣтчикову волю* (обратный случай, т. е. требованіе присяги истцомъ, остался не изложеннымъ за дефектомъ рукописи). Нечего и говорить, что правильный порядокъ, согласный съ извѣстными намъ формами древняго процесса, изложенъ въ указѣ 1556 г., а не въ Судебн. ц. Ѳ. I.

Ст. 222 утрачена, но, судя по оглавленію С. ц. Ѳ. I., она копировала ст. 16 указа 1556 г.: „которому холопу дадутъ отпускную грамоту“. Здѣсь оканчиваются заимствованія въ С. ц. Ѳ. I. изъ ук. 1556 г. Новое доказательство того, что остальныя статьи этого указа (17, 18-я: см. въ нашемъ изд. Христ. по Ист. рус. пр. Ш. Указная кн. вѣд. казначеевъ) первоначально не входили въ упомянутый указъ и составляютъ приписки къ нему, сдѣланныя въ приказѣ изъ другихъ послѣдующихъ узаконеній (см. прим. 39 къ ст. 17-й въ нашемъ изданіи, только что цитированномъ).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Результатомъ непониманія текста источниковъ явились многія другія испорченныя статьи, касающіяся процесса; напр., въ ст. 214 С. ц. Ѳ. l. долженъ былъ изложить статью 7-ю указа 1556 г. о поименной ссылкѣ въ обыскъ на немногихъ людей, не заслуживающихъ довѣрія—и отвергаетъ такую ссылку, какъ доказательство негодное; но онъ прибавилъ отъ себя выраженіе: „пошлутъца... *изъ виноватаго*“, и тѣмъ испортилъ все дѣло, ибо ссылка изъ виноватыхъ всегда имѣетъ безусловное одностороннее значеніе и въ ней нельзя было отказать никому. Возьмемъ еще одинъ примѣръ изъ той же сферы права: Судебникъ 1550 г. (въ своей статьѣ 15-й) говоритъ о возможности противорѣчивыхъ показаній со стороны послуховъ истца и постановляетъ, что въ такомъ случаѣ дѣло рѣшается полемъ между этими послухами (т. е. послухами истца). С. ц. Ѳ. I., очевидно, недоумѣвалъ, какъ это могутъ биться между собою свидѣтели, выставленные одною и тою же стороною,—и вотъ онъ даетъ свой, совершенно невѣроятный, смыслъ статьѣ: разногласіе, по его мнѣнію, можетъ произойти между послухами разныхъ сторонъ (истца и отвѣтчика) и поединокъ назначается между ними, что̀ съ точки зрѣнія Судебника 1550 г. (когда послуховъ выставлялъ истецъ, а не отвѣтчикъ) совершенно невозможно. Поэтому всѣ статьи его объ этомъ предметѣ (20, 21. 22) получили превратный смыслъ.

Намъ кажется несомнѣннымъ, что авторъ памятника, обнаруживший такое слабое знакомство съ тогдашнимъ дѣйствующимъ закономъ, понимавшій его тексты превратно, не могъ быть лицомъ, которому рѣшились бы поручить составленіе проекта новаго уложенія. Тѣмъ менѣе можно допустить, чтобы произведеніе его, исполненное указанныхъ ошибокъ, могло быть разсматриваемо и утверждено въ качествѣ закона органами высшей законодательной власти государства, т. е. царемъ, думою и соборомъ. Мы знаемъ, что составленіе проектовъ новыхъ кодексовъ возлагаемо было на людей, наиболѣе опытныхъ въ законовѣдѣніи и юридической практикѣ, преимущественно на дьяковъ: Судебникъ 1497 г. былъ составленъ дьякомъ Гусевымъ, Уставная Книга Разбойнаго Приказа—извѣстнымъ дѣльцомъ временъ Грознаго—Мясоѣдомъ Вислымъ; а послѣ смутнаго времени „сдѣлали тое книгу діякъ Третьякъ Корсаковъ да подъячій Микита Поспиковъ“. Коммиссія, составлявшая проектъ Уложенія ц. А. М., состояла изъ трехъ бояръ и двухъ дьяковъ, причемъ главная работа несомнѣнно падала на этихъ послѣднихъ, т. е. на дьяковъ Грибоѣдова и Леонтьева, людей не только извѣстныхъ знаніями въ области закона, но и въ сферѣ общаго

образованія, въ частности историческаго. Никакъ нельзя предположить, чтобы въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича рѣшились за такою услугою обратиться не къ спеціалистамъ законовѣдѣнія, а къ человѣку изъ народа, чуждому правительственнымъ и судебнымъ сферамъ.

Этимъ отрицательнымъ путемъ получается лишь отрицательный выводъ о личности автора памятника: онъ не могъ быть оффиціальнымъ лицомъ, которому бы поручила это дѣло правительственная власть.

Попытаемся приблизиться къ положительному рѣшенію вопроса: кѣмъ же могъ быть составитель Судебника 1589 года?

Авторъ С. ц. Ѳ. І.—не юристъ, не дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, даже не дѣлецъ, ходокъ по тяжебнымъ дѣламъ. Человѣкъ этой послѣдней категоріи могъ совсѣмъ не знать быта и нуждъ населенія, особенно сельскаго, но каждая строка закона, всякій изворотъ процесса ему были бы знакомы отъ юности его, ибо онъ въ приказахъ начиналъ и кончалъ свою карьеру. Напротивъ, составитель нашего памятника, обнаруживая невѣдѣніе въ чуждыхъ ему текстахъ закона и въ дебряхъ процесса, показываетъ большое знакомство съ бытомъ сельскаго простонародья (этой terra incognita для дѣльцовъ Московскихъ приказовъ). Онъ знаетъ, во сколько жердей должна быть высота огорожи полевой и во сколько хлубинъ должна быть ограда по осѣку; онъ знаетъ, имѣетъ ли право крестьянинъ вывезти удобреніе съ полосы, на которую онъ положилъ его, но которая отошла къ другому послѣ передѣла; ему извѣстно и близко къ сердцу право крестьянина удержать за собою садовую землю при передѣлѣ и обязанность поступиться хмельникомъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Вообще, только въ этомъ памятникѣ можно найти обстоятельное ученіе объ общинѣ. Онъ подробно развиваетъ постановленія о потравѣ (ст. 171). Права сельскаго обывателя для него дороже правъ горожанина: послѣдняго онъ оставляетъ при обязанности предъявлять купленныхъ лошадей къ пятнанію и платить за то пошлину, по сельскихъ обывателей освобождаетъ отъ того. Законодатель, составившій Судебникъ царя Грознаго, назначилъ каждому крестьянину 1 р. безчестья; авторъ С. ц. Ѳ. І. отличилъ особый классъ „добрыхъ крестьянъ“ высшею нормою; онъ отдѣльно отмѣтилъ повосскаго, вспомнилъ нищихъ, калѣкъ, скомороховъ. Высшею и сильнѣйшею единицею управленія ему представляется „міръ“—волостная и городская сходки. Хотя въ составъ этого міра и тогда входили преимущественно податные, неслужилые классы, но нашъ авторъ отдаетъ на его рѣшеніе такія

дѣла, въ которыхъ участвуютъ и „дѣти боярскія“; именно (въ ст. 110 и 111-ой) онъ даетъ постановленіе о томъ, что если 10 или 12 человѣкъ дѣтей боярскихъ дадутъ показаніе въ пользу или противъ подсудимаго, то такія показанія провѣряются посредствомъ міра и если окажутся лживыми, то съ дѣтей боярскихъ (равно какъ и съ крестьянъ) взыскивается истцева гибель, а сами отдаются на поруки, „чтобы впредь не лгали“. Авторъ интересуется волостною магистратурою въ тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ молчалъ законъ и прежде и послѣ него; напр., онъ опредѣляетъ подробно подсудность судей (земскихъ), цѣловальниковъ и сотскихъ (ст. 135).

Изъ этого мы въ правѣ заключить, что авторъ былъ сельскій обыватель, изъ простопародья, и именно изъ крестьянства. Къ тому же выводу приводитъ насъ разсмотрѣніе памятника со стороны литературной и, въ частности, со стороны языка. Нужно замѣтить, что всѣ статьи Судебника 1550 г., а также указа 1556 г. передаются въ Судебникѣ 1589 г. по-своему, хотя бы содержаніе статей закона и смыслъ ихъ оставались безъ измѣненій. Любопытно знать, для чего это дѣлается. Въ аналогичныхъ случаяхъ заимствованій позднѣйшими законами изъ прежнихъ ничего подобнаго не встрѣчается; напр., Судебникъ 1550 г. дѣлаетъ буквальныя заимствованія изъ Судебника 1497 г., дополняя и измѣняя ихъ только тогда, когда требовалъ того новый смыслъ закона. Точно также Уложеніе ц. А. М. большею частью заимствуетъ буквально изъ Уставныхъ книгъ приказовъ, допуская измѣненія не въ языкѣ, а въ содержаніи постановленій. Почему же авторъ Судебника 1589 года поступаетъ наоборотъ, т. е., удерживая смыслъ закона, совершенно измѣняетъ его форму (замѣтимъ при этомъ: употребляетъ форму, почти всегда неправильную грамматически и вполнѣ отступающую отъ оффиціальнаго языка Московскаго государства)? Очевидно, онъ хотѣлъ „опростить“ оффиціальный языкъ, сдѣлать его доступнымъ пониманію такихъ людей, какъ онъ самъ. Это, такъ сказать, вольный переводъ Судебника царскаго на простопародное нарѣчіе.

Особенности языка памятника указываютъ не на то, что это небрежные „черновые наброски, напоминающіе наскоро сдѣланныя помѣты, въ которыхъ московскіе дьяки записывали государевы указы и боярскіе приговоры“. Языкъ Судебника 1589 г. обличаетъ въ составителѣ человѣка некнижнаго, съ образованіемъ простого начетчика изъ простонародья и человѣка, мало знакомаго съ техническимъ юридическимъ языкомъ того времени. Напр., С-къ ц-скій въ ст. 2-й опредѣляетъ, что, въ случаѣ добросовѣстной ошибки судьи, сторонамъ предоставляется вести искъ снова: „а истцемъ судъ *съ*

головы“. С. ц. Ѳ. I. передаетъ это выраженіе такъ: „а исцемъ *дать* суд з головы *повои*“. Такою прибавкою ненужнаго слова онъ старался упростить оффиціальный терминъ. Народный стиль слышится въ слѣдующихъ измѣненіяхъ текста (которыя мы беремъ, какъ первыя попавшіяся на глаза): техническое выраженіе (ст. 3, 22) „*обвинить*“, сохраненное до сихъ поръ въ юридическомъ языкѣ для выраженія судебныхъ приговоровъ, въ народномъ говорѣ замѣняется терминомъ „повинить“ и авторъ Судебника 1589 г. ставитъ этотъ терминъ, никогда не употреблявшійся въ законодательныхъ и оффиціальныхъ актахъ. Вмѣсто: „запишетъ (дьякъ) не по суду“, здѣсь читаемъ: „речи перепишетъ не так, как на суде говорили“;—явный признакъ упрощенья оффиціальнаго языка. Встрѣчаемъ такія выраженія: судья несетъ наказаніе за то, что „*знаючи диака лъжіва, почто с нимъ судитъ?*“. Такой чисто народный литературный пріемъ совершенно чуждъ языку законодательства (ст. 4); здѣсь же находимъ фразу: „впред не воровати, *доколе и живъ будетъ*“. Вмѣсто „полщики“ (участники судебнаго поединка) въ С. ц. Ѳ. I. стоитъ „боищики“ (ст. 18). Авторъ желаетъ обозначить, что если кабала, въ подлогѣ которой обвиненъ дьякъ, будетъ признана на „міру“ подлинною, то дьякъ *признается невиновнымъ* и выражается такъ: „а діякъ—*человекъ доброй*“ (ст. 26). Наивный языкъ простонародья слышится въ такой фразѣ: „Езду имати на версту по денге, колько верстъ ни буди, *хочетъ пешъ поди, хочетъ лошад наими*“ (ст. 32). Передавая статью царскаго Судебника о томъ, что если обѣ стороны подсудны извѣстному судьѣ, то недѣльщикъ обязанъ поставить ихъ предъ этого судью, С. ц. Ѳ. I. говоритъ: „а намеснику и суде оба *судимы и ответны ему*“ (97); такой плеоназмъ обнаруживаетъ въ авторѣ желаніе истолковать читателю то, что̀ для него самого было сначала неясно.

Постановленіе Судебника царскаго о взысканіи убытковъ за неявку въ срокъ къ суду С. ц. Ѳ. I. передаетъ такъ: „что *во ждание* после сроку учинитца убытка...“ (ст. 100). Выраженіе царскаго Судебника: „а опричных ему (недѣльщику) людей (т. е. невиновных) не имати“ (не арестовывать), здѣсь излагается такъ: „А *чистых* ему людей не имати“ (ст. 104). Встрѣчается фраза: „его *казнити до смерти*“ (108), или „заказнити“ (115). Весьма интересно, какъ старается уяснить себѣ авторъ-простецъ понятіе о давности: „А взыщетъ крестьянин на крестьянине, ино судити за 3 годы; *а крестьянин на земъле суда не поставит въ 3 годы и не бьет челомъ о обиде, и ему дале того не давати*“ (150). Зачѣмъ наговорено столько лишнихъ словъ послѣ ясной и краткой фразы Судебника

царскаго? Затѣмъ, что автору и его предполагаемымъ читателямъ-крестьянамъ надо было усиленно ввести въ сознаніе, что за истеченіемъ 3-хъ лѣтъ право иска прекращается; въ сознаніи простонародья *сроки* давности укладывались туго. Постановленіе объ обманномъ выкупѣ родовой вотчины въ пользу стороняго передано въ такой драматической формѣ: „А хто стороннеи ч(е)л(ове)къ дасть денги, и молвыт: „выкуни свою вод'нну, и не надобе себе, ино яз въ нен живу“; т. е. сторонній скажетъ: „выкупи свою родовую вотчину, но не для себя дѣйствительно, ибо я въ ней буду жить“... (ст. 166); въ Судебникѣ царскомъ это изложено съ обычною краткостью и ясностью законодательнаго языка: „А кто выкупитъ вотчину чужими деньгами“... (ст. 85). Народный говоръ слышится въ такой фразѣ: „А где в осень дороги живут, дорога живет по рекам“... (ст. 224). Никакой приказный человѣкъ не могъ употребить выраженія: „суда прошати“ (вм. „просити“; ст. 7 и 23). Ни въ какомъ оффиціальномъ актѣ нельзя встрѣтить „целовальника *судейкаго вернаго*“ (ст. 56), „нещего человѣка“ (т. е. нищаго; ст. 64), „миропродавца“ (ст. 111). Ни одинъ дьякъ не написалъ бы „полюбятъ“ (т. е. изберутъ, излюбятъ; ст. 155 и 160); ни въ какомъ законодательномъ памятникѣ нельзя отыскать термина: „на зло“ (т. е. злоумышленно—„съ умышленіемъ“; ст. 170). Московскій юристъ не могъ написать „поземъ“ въ смыслѣ земля, поле (ст. 129). Гдѣ въ правительственныхъ актахъ можно найти выраженіе „взимки“ (ст. 192), означающее приданое? Московскій дьякъ конца XVI в. не въ состояніи былъ знать и употреблять термины: „путики“, „угодовати“ (ст. 176), въ смыслѣ пользоваться угодьями, или писать „утопетъ“ (вм. убьетъ; ст. 225). Едва ли въ Московскихъ приказахъ были даже извѣстны такіе предметы, какъ „выскиди“, „заворы“, „хлубины“ и пр. (ст. 224 и 169).

Изъ приведенныхъ фактовъ мы убѣждаемся, что имѣемъ дѣло съ памятникомъ народной словесности, съ явленіемъ, въ высшей степени интереснымъ, т. е. передѣлкою законодательнаго языка на простонародное нарѣчіе. Отсюда, однако, отнюдь не слѣдуетъ, что автору Судебника 1589 г. вполнѣ удалась такая задача; напротивъ, при малой образованности его и при литературной неопытности, текстъ Судебника 1550 г. во многихъ случаяхъ не объяснилъ, а затемнилъ.

При этомъ надо имѣть въ виду, что языкъ памятника почти вездѣ отличается грамматическою неправильностію (чѣмъ никогда не страдали законодательные и другіе правительственные акты Московскаго государства). Возьмемъ первый попавшійся примѣръ: „А

которые иногородцы, а не станут бить челомъ о своихъ бедах на намесниковъ до году, и впред имъ и суда не дати; и на их людеи и на волосных хрестиянъ давати судъ пришельцамъ давати до осми лѣтъ, а судити им обыскавъ по их жалобницамъ“ (ст. 37). Начало статьи, взятое изъ Судебника царскаго (ст. 24-ой), довольно правильно и понятно; но далѣе неправильное грамматическое построеніе фразы дѣлаетъ ее крайне неясною: глаголъ „давати“ повторенъ два раза безъ нужды; „судити *им*ъ...“, вѣроятно, должно означать: разбирать ихъ иски; но „обыскавъ по ихъ жалобницамъ“ (т. е. провѣрив ихъ исковыя требованія) совсѣмъ лишаетъ фразу всякаго значенія, ибо въ чемъ же и можетъ состоять судъ, какъ не въ разборѣ жалобъ? (отмѣтимъ пристрастіе къ ненужной вставкѣ союзовъ—*а*, *и*: „*а* не станутъ...“; „и суда не давати“,—этотъ всегдашній пріемъ малограмотныхъ писателей). Возьмемъ другой примѣръ, гдѣ ясный текстъ Судебника царскаго совершенно затемненъ въ передачѣ въ силу грамматической неправильности передѣлки: „А хто в чемъ на суде повинитца, то на немъ по тому же без суда доправити; а в достале судъ и (издатель печатаетъ—*судьи*) по суду кресть, и как суд был и речи на суду были“ (ст. 40). Въ царскомъ Судебникѣ это изложено такъ: „кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти... а въ достали судъ и правда и крестное цѣлованіе“. Это вполнѣ неясное мѣсто С. ц. Ѳ. I. означаетъ: въ чемъ отвѣтчикъ признается, то не требуетъ провѣрки; въ остальной же части иска дѣло рѣшается судомъ, т. е. судоговореніемъ и присягою.

Образцомъ того, какъ неискусное грамматическое построеніе фразы затемняетъ ея смыслъ, можетъ служить ст. 171: „А где отхожие пашни, и пожни, и огороды, и пожни (? пашни?), и будет от сел и от деревен на лисе и при реках, і гдѣ чья пожня, и будетъ скот его ходит на тои пожне в кое время ни буди или на пашне, ему огород ставити половина, а чеи чюжеи скот ходит, тому другая половина. А будет его скотъ не ходит, а чия прилегла к пашне ораная земъля, или чеи скот ходит, тому и городити все; а пору (пару) ему скотом не травити; а хто стравит, на том и трава (потрава) справити без суда“. При буквальномъ пониманіи статьи, нѣтъ никакой возможности истолковать ея смыслъ, именно благодаря совершенно неправильной грамматической конструкціи ея. При сличеніи съ ст. 86 царскаго Судебника (которой она соотвѣтствуетъ), можно выразумѣть (хотя и не вполнѣ) ея значеніе, или, лучше сказать, что́ хотѣлъ выразить авторъ. По Судебнику царскому, пожни назначаются для скотоводства, а не для земледѣлія, а потому, если какой-либо хозяинъ завелъ пашню на отхожей пожнѣ,

то онъ и обязанъ городить ее. Составитель Судебника 1589 г. напротивъ полагаетъ, что всякій имѣетъ право завести пашню на на отхожихъ пожняхъ, а потому обязанность городить падаетъ на того, кто держитъ тамъ скотъ; если оба сосѣда держатъ скотъ, то обязаны городить пополамъ. Отчего же нашъ авторъ не выразилъ это такъ просто и ясно? Очевидно, потому, что, имѣя предъ собою текстъ царскаго Судебника и слѣдуя за его выраженіями, онъ въ тоже время хотѣлъ измѣнить самое постановленіе и не сладилъ съ такою задачею, по неумѣнью излагать сложныя синтаксическія построенія рѣчи.

Ограничимся этими примѣрами, хотя ихъ можно было бы увеличить ad libitum, заимствуя чуть не изъ каждой статьи Судебника. Не будемъ настаивать и на этимологическихъ и орѳографическихъ промахахъ памятника, еще болѣе многочисленныхъ и опять очень рѣдко встрѣчающихся въ дѣйствительныхъ законодательныхъ памятникахъ того времени. Многое въ этимологіи и орѳографіи памятника можетъ быть приписано писцамъ,—многое, однако едва ли все. Есть ошибки повторяющіяся постоянно на всемъ пространствѣ рукописи, которая (по свидѣтельству издателя) писана разными руками.

Нельзя забывать, что и такіе памятники древняго законодательства, какъ Судебники 1497 и 1550 г. дошли до насъ въ разнообразныхъ частныхъ спискахъ и потому могли быть также искажены писцами; однако, въ нихъ не наблюдается такого постоянства и обилія погрѣшностей; писцы всегда болѣе или менѣе сообразуются съ подлинникомъ въ его правописаніи и грамматическихъ пріемахъ. Впрочемъ, повторяемъ, мы не настаиваемъ на этой особенности Судебника 1589 г., какъ рѣшительномъ признакѣ малой образованности автора, которая и безъ того засвидѣтельствована другими несомнѣнными фактами.

Приведенными фактами и соображеніями доказывается, что составитель Судебника 1589 г. былъ человѣкомъ изъ простонародья, изъ крестьянъ. Но самъ памятникъ даетъ основаніе сдѣлать еще одно дальнѣйшее заключеніе о личности автора, именно можно съ увѣренностью сказать, что онъ былъ обывателемъ сѣверной полосы Россіи, мало знакомымъ съ бытомъ прочихъ частей государства. Какъ извѣстно, въ Судебникѣ царскомъ есть статья о переходѣ крестьянъ, т. е. о самомъ существенномъ пунктѣ въ исторіи крѣпостного состоянія. Отъ автора-крестьянина можно бы ожидать именно здѣсь весьма цѣнныхъ и важныхъ дополненій и разъясненій; ему представлялся полный просторъ видоизмѣнять законъ по собственнымъ соображеніямъ. Но что же? Именно здѣсь находимъ

крайне смутное и спутанное изложеніе той же статьи царскаго Судебника и въ концѣ концовъ такую прибавку, которая совсѣмъ не подходитъ къ дѣлу крестьянъ средней Россіи (т. е. большей части государства) и указываетъ на сѣверную Русь, гдѣ крѣпостного права никогда не было и гдѣ, слѣдовательно, никто не интересовался вопросомъ о правѣ перехода. Пусть читатель судитъ самъ: „А...: подворъною (подворного?) платить подворникам на год 8 ал. по 2 де., до коего лесу десет верстъ“ (ст. 178). „А хто за кемъ живет и пойдет проч, и он платит пожилое по 8 ал. по 2 де. А останется у кого рож в земле, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба дасть боран 2 алтына властелю, да с того же хлеба даст подат црву, оброки і всякие подати и ему по хлебу дати, да пожилая копна сена—две сажени съ локтем, одинова топтати,—и то взяти тому, кому он деревню продасть“ (ст. 179). Судебникъ царскій опредѣлялъ пожилое съ переходящаго крестьянина въ разныхъ размѣрахъ, смотря по отдаленности жилища отъ лѣса (отъ чего измѣняется стоимость постройки). Авторъ Судебника 1589 г. назначаетъ одну общую цифру, хотя и прибавляетъ: „до коего лесу 10 верстъ“. Затѣмъ, ту же плату, уже подъ именемъ пожилаго, а не подворнаго, онъ опять опредѣляетъ въ слѣдующей статьѣ и притомъ одинаково.

Предположимъ, что это есть результатъ послѣдующей порчи текста, хотя нельзя думать, чтобы переписчики сочиняли отъ себя фразы въ двухъ статьяхъ. Но конецъ статьи 179-й явно показываетъ, что авторъ Судебника 1589 г. говоритъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ велъ рѣчь Судебникъ царскій, т. е. не о переходѣ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, а о смѣнѣ владѣльцевъ крестьянскихъ участковъ, и именно путемъ продажи ихъ отъ одного другому. Поэтому авторъ взялъ изъ царскаго Судебника только то, что сколько нибудь соотвѣтствовало такому явленію и опустилъ все то, что къ нему не относится, т. е. то, въ чемъ слышится развивающееся крѣпостное состояніе, а именно: о барщинѣ, о послѣдствіяхъ безсрочнаго выхода (для попа и крестьянина, продающагося въ холопы). Въ сѣверной Россіи крестьяне, переходя, продавали участки („деревни“) своимъ преемникамъ и никто не думалъ тамъ стѣснять или ограничивать свободу перехода ихъ.

Другого способа изъясненія своеобразной конструкціи цитированныхъ статей Судебника 1589 года придумать нельзя. Если такъ, то мы имѣемъ здѣсь вѣское доказательство того, что авторъ былъ хотя и крестьянинъ, но сѣверянинъ, мало знакомый съ условіями быта крестьянъ средней—большей части Россіи [1]).

[1]) Надо отмѣтить, что и издатель памятника признаетъ автора его сѣ-

Къ тому же выводу приводятъ и діалектическія особенности памятника [1]).

Но главнѣйшее указаніе на сѣверо-русское происхожденіе его заключается въ содержаніи его новыхъ постановленій, которыя касаются общиннаго владѣнія и вообще крестьянскаго хозяйства. Въ средней и южной Россіи такихъ явленій, о которыхъ сообщаетъ намъ памятникъ уже не было въ концѣ XVI в.; но объ этомъ рѣчь впереди. Оглавленіе дефектной 223-й статьи: „дорога от Москвы до Колмогор куды преже была“, не оставляетъ сомнѣнія в томъ, что авторъ памятника интересовался главнымъ образомъ Холмогорскою (т. е. Двинскою) страною.

Итакъ, полагаемъ, что нашъ памятникъ вышелъ изъ рукъ простого человѣка—любителя, начетчика, которыхъ всегда было не мало въ сѣверной Двинской землѣ. Онъ воспроизводилъ свои источники и потому создалъ предисловіе, по образцу предисловія царскаго Судебника, съ измѣненіемъ именъ и даты, которую можно считать дотою написанія Судебника 1589 г.

Дальнѣйшія, не менѣе твердыя доказательства неоффиціальности проекта даетъ разсмотрѣніе его источниковъ.

II.

Источники Судебника ц. Ѳеодора Іоанновича.

Источники Судебника ц. Ѳедора Іоанновича суть: 1) законъ—Судебникъ 1550 г., указъ 1556 года и частью указъ 1588 г., 2) собственный разумъ составителя и 3) обычное право.

1. *Законъ, какъ источникъ С. ц. Ѳ. І.* Главнѣйшій и обильнѣйшій источникъ есть законъ; изъ него взятъ весь остовъ содержанія памятника; остальные источники послужили лишь для частичныхъ до-

---

вернымъ („имѣлъ какое-то отношеніе къ сѣверу“, стр. XXIII) и ссылается въ доказательство этого на многое изъ того, что и мы приводимъ ниже для той же цѣли. Но въ такомъ случаѣ пришлось-бы предположить, что законъ, принятый властью, составленъ (по ея порученію) какимъ-то провинціаломъ, включившимъ въ него вещи, совсѣмъ чуждыя общему строю государства. Зачѣмъ законъ сталъ бы говорить о томъ, „куда прежде шла дорога отъ Москвы до Холмогоръ“ ? (См. ниже).

[1]) Въ памятникѣ встрѣчаются во множествѣ провинціализмы въ языкѣ и говорѣ, обличающія сѣверно-русское—новгородское, нарѣчіе: „недилщику“ (недѣльщику, ст. 12, 14, 96, 106); казначию (ст. 13), „вирять“ (вѣрять; ст. 20, 130, 132, 153, 215) „увиченъ“ (увѣченъ: ст. 28, 73), „отвичяютъ“ (отвѣчаютъ: ст. 31), „калика“ (калѣки – нищіе, ст. 67) „умиритъ“ (умѣритъ: ст. 159); лисъ (лѣсъ, ст. 171).

полненій. Это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы сличенія статей С. ц. Ѳ. I. съ ихъ источниками (статьи, взятыя изъ обычнаго права и составленныя самимъ авторомъ Судебника, обозначаемъ терминомъ: *новыя*):

Статьи Судебника ц Ѳ. I.	Статьи Судебника 1550 г.	Ук. 1588 г.	Ук. 1556 г.	Новыя.
1	1	—	—	—
2	2	—	—	—
3	3	—	—	—
4	4	—	—	—
5	5	—	—	—
6	6	—	—	—
7	7 (1-я полов.)	—	—	—
8	7 (2-я полов.)	—	—	—
9	8 (1-я часть).	—	—	—
10	8 (2-я часть).	—	—	—
11	8 (3-я часть).	—	—	—
12	9	—	—	—
13	10 (1-я полов.)	—	—	—
14	10 (2-я полов.)	—	—	—
15	11 (1-я полов.)	—	—	—
16	11 (2-я полов.)	—	—	—
17	12	—	—	—
18	13	—	—	—
19	14	—	—	—
20	15 (1-я часть).	—	—	—
21	15 (2-я часть).	—	—	—
22	15 (3-я часть).	—	—	—
23	—	Ук. 1588 г.	—	—
24	—	—	—	Новая.
25	—	—	—	Новая.
26	15 (4-я часть).	—	—	—
27	16	—	—	—
28	17	—	—	—

Статьи Судебника ц. Ѳ. I.	Статьи Судебника 1550 г.	Ук. 1588 г.	Ук. 1556 г.	Новыя.
29	18	—	—	—
30	19	—	—	—
31	19 (1-я полов.)	—	—	—
32	19 (2-я полов.)	—	—	—
33	21	—	—	—
34	22	—	—	—
35	23	—	—	—
36	24 (1-я полов.)	—	—	—
37	24 (2-я полов.)	—	—	—
38	—	—	—	Новая.
39	25 (1-я полов.)	—	—	—
40	25 (2-я полов.)	—	—	—
41	26	—	—	—
42	26	—	—	—
43	26	—	—	—
44	26	—	—	—
45	—	—	—	Новая.
46	—	—	—	Новая.
47		—	—	—
48	26	—	—	—
49	26	—	—	—
50	26	—	—	—
51		—	—	—
52	Распростране	—	—	Новая.
53		—	—	Новая.
54		—	—	Новая.
55		—	—	Новая.
56		—	—	Новая.
57		—	—	Новая.
58		—	—	Новая.
59		—	—	Новая.

Статьи Судебника ц. Θ. I.	Статьи Судебника 1550 г.	Ук. 1588 г.	Ук. 1556 г.	Новыя.
60		—	—	Новая.
61		—	—	Новая.
62		—	—	Новая.
63		—	—	Новая.
64		—	—	Новая.
65		—	—	Новая.
66		—	—	Новая.
67		—	—	Новая.
68		—	—	Новая.
69		—	—	Новая.
70	(ненаписанная).	—	—	Новая.
71		—	—	Новая.
72		—	—	Новая.
73	26	—	—	—
74	27	—	—	—
75	28	—	—	—
76	29	—	—	—
77	30	—	—	—
78	31 (1-я полов.)	—	—	—
79	31 (2-я полов.)	—	—	—
80	32	—	—	—
81	33	—	—	—
82	34	—	—	—
83	35	—	—	—
84	36	—	—	—
85	37	—	—	—
86	38	—	—	—
87	39	—	—	—
88	40	—	—	—
89	41	—	—	—
90	42	—	—	—

Статьи 26-й.

Статьи Судебника ц. Θ. I.	Статьи Судебника 1550 г.	Ук 1588 г.	Ук. 1556 г.	Новыя.
91	43 (1-я часть).	—	—	—
92	43 (2-я часть).	—	—	—
93	44	—	—	—
94	45	—	—	—
95	46	—	—	—
96	47	—	—	—
97	48	—	—	—
98	49 (1-я часть).	—	—	—
99	49 (2-я часть).	—	—	—
100	50	—	—	—
101	51 (1-я часть).	—	—	—
102	51 (2-я часть).	—	—	—
103	52	—	—	—
104	53 (1-я часть).	—	—	—
105	53 (2-я часть).	—	—	—
106	54	—	—	—
107	55	—	—	—
108	56	—	—	—
109	57	—	—	—
110	58 (1-я часть).	—	—	—
111	—	—	—	Новая.
112	58 (2-я часть).	—	—	—
113	59	—	—	—
114	60	—	—	—
115	61	—	—	—
116	62	—	—	—
117	63	—	—	—
118	64—65	—	—	—
119	66 (1-я часть)	—	—	—
120	66 (2-я часть).	—	—	—
121	67.	—	—	—

Статьи Судебника ц Ѳ. I.	Статьи Судебника 1550 г.	Ук. 1588 г.	Ук. 1556 г.	Новыя.
122	68	—	—	—
123	69 (1-я часть).	—	—	—
124	69 (2-я часть).	—	—	—
125	70	—	—	—
126	71	—	—	—
127	72 (1-я часть).	—	—	—
128	72 (2-я часть).	—	—	—
129	72 (3-я часть).	—	—	—
130	—	—	—	Новая.
131	—	—	—	Новая
132	73	—	—	—
133	74	—	—	—
134	75	—	—	—
135	—	—	—	Новая.
136	76 (1-я часть).	—	—	—
137	76 (2-я часть).	—	—	—
138	76 (3-я часть).	—	—	—
139	77 (1-я часть).	—	—	—
140	77 (2-я часть).	—	—	—
141	78 (1-я часть).	—	—	—
142	78 (2-я часть).	—	—	—
143	79	—	—	—
144	80 (1-я часть).	—	—	—
145	80 (2-я часть).	—	—	—
146	81	—	—	—
147	82	—	—	—
148	83	—	—	—
149	84 (1-я часть).	—	—	—
150	84 (2-я часть).	—	—	—
151	—	—	—	Новая.
152	—	—	—	Новая.

Статьи Судебника ц. Θ. I.	Статьи Судебника 1550 г.	Ук. 1588 г.	Ук. 1556 г.	Новыя.
153	—	—	—	Новая.
154	—	—	—	Новая.
155	—	—	—	Новая.
156	84 (3-я часть).	—	—	—
157	84 (4-я часть).	—	—	—
158	—	—	—	Новая.
159	—	—	—	Новая.
160	—	—	—	Новая.
161	—	—	—	Новая.
162	—	—	—	Новая.
163	85 (1-я часть).	—	—	—
164	85 (2-я часть).	—	—	—
165	85 (3-я часть)	—	—	—
166	85 (4-я часть).	—	—	—
167	85 (5-я часть).	—	—	—
168	86 (1-я часть).	—	—	—
169	—	—	—	Новая.
170	—	—	—	Новая.
171	86 (2-я часть).	—	—	—
172	87 (1-я часть).	—	—	—
173	87 (2-я часть).	—	—	—
174	—	—	—	Новая.
175	—	—	—	Новая.
176	—	—	—	Новая.
177	—	—	—	Новая.
178	88 (1-я часть).	—	—	—
179	88 (2-я часть).	—	—	—
180	89	—	—	—
181	90 (1-я часть).	—	—	—
182	90 (2-я часть).	—	—	—
183	90 (3-я часть).	—	—	—

Статьи Судебника ц. Ѳ. I.	Статьи Судебника 1550 г.	Ук. 1588 г.	Ук. 1556 г.	Новыя.
184	91 (1-я часть).	—	—	—
185	—	—	—	Новая.
186	—	—	—	Новая.
187	—	—	—	Новая.
188	91 (2-я часть).	—	—	—
189	91 (3-я часть).	—	—	—
190	92	—	—	—
191	—	—	—	Новая.
192	—	—	—	Новая.
193	—	—	—	Новая.
194	93	—	—	—
195	94	—	—	—
196	95 (1-я часть).	—	—	—
197	95 (2-я часть).	—	—	—
198	96	—	—	—
199	97 (1-я часть).	—	—	—
200	97 (2-я часть).	—	—	—
201	98	—	—	—
202	99 (1-я часть .	—	—	—
203	99 (2-я часть).	—	—	—
204	100	—	—	—
205	—	—	1 (1-я пол.)	—
206	—	—	1 (2-я пол.)	—
207	—	—	2	—
208	—	—	3 (1-я пол.)	—
209	—	—	3 (2-я пол.)	—
210	—	—	4 (1-я пол.)	—
211	—	—	4 (2-я пол.)	—
212	—	—	5	—
213	—	—	6	—
214	—	—	7	—

Статьи Судебника ц. Θ. I.	Статьи Судебника 1550 г.	Ук. 1588 г.	Ук. 1566 г.	Новыя.
215	—	—	8	—
216	—	—	9	—
217	—	—	10—11	—
218	Утрачены.		12 (по оглавленію).	—
219			13 (по оглавленію).	—
220	—		14	—
221	—	—	15	—
222	Утраченная.	—	16 (по огл.)	—
223	—	—	—	Новая.
224	—	—	—	Новая.
225	—	—	—	Новая.
226	—	—	—	Новая.
227	—	—	—	Новая.
228	—	—	—	Новая.
229	—	—	—	Новая.
230	—	—	—	Новая.
231	—	—	—	Новая.
	151	1	18	61

Эта таблица показываетъ, что около $^3/_4$ матеріала (170 статей) Судебникъ 1589 г. заимствуетъ изъ законодательныхъ источниковъ и $^1/_4$ изъ другихъ (всего 61 ст.; издатель почему-то насчитываетъ 67 новыхъ статей). Послѣднія взяты изъ двухъ источниковъ, а именно: изъ обычнаго права и изъ собственнаго разума составителя проекта.

Замѣтимъ, однако, что два послѣднихъ источника не ограничиваются только новыми статьями, но проникаютъ и въ редакцію статей, взятыхъ изъ законодательныхъ памятниковъ. Опредѣлимъ сначала отношеніе Судебника 1589 г. къ законодательному матеріалу.

Отношеніе къ законодательнымъ источникамъ по объему ихъ. Здѣсь прежде всего интересно спросить: всѣмъ ли законодательнымъ матеріаломъ воспользовался авторъ Судебника 1589 г. и если не всѣмъ, то почему? А затѣмъ, какъ отнесся онъ къ этому матеріалу съ точки зрѣнія формы и содержанія закона? Чѣмъ не вос-

пользовался составитель Суд. ц. Ѳ. I. въ источникахъ прежняго законодательства?

Предположимъ, что 14 іюня 1589 г. царь, дума и соборъ рѣшили составить и издать новый кодексъ взамѣнъ Судебника 1550 г. Ради чего же задумана такая перемѣна? Чѣмъ не удовлетворялъ людей 1589 г. Судебникъ царя Грознаго? И по существу дѣла, и въ особенности по духу московскаго законодательства, слѣдуетъ думать, что правительство задалось мыслію не реформировать право, а свести въ одно и привести въ порядокъ прежніе законы. Судебникъ 1550 г., дѣйствительно, могъ не удовлетворять ихъ, но только потому, что послѣ изданія его накопилось не мало узаконеній по разнымъ частямъ права; новые указы приписывались къ Судебнику въ каждомъ отдѣльномъ приказѣ, къ которому преимущественно относился новый законъ; другія вѣдомства могли вовсе и не знать о существованіи новыхъ законовъ и вновь входили съ представленіями къ законодателю по вопросамъ, уже рѣшеннымъ. Самыя записи законовъ въ приказахъ могли быть сдѣланы неудовлетворительно и даже прямо ошибочно (по недоразумѣнію, или намѣренно--по злоумышленію), что̀ заставляло законодателя иногда вновь редактировать тотъ-же законъ (см. Христом. по ист. рус. права, вып. III, стр. 247). Наконецъ, въ отдѣльныхъ приказахъ законы могли утрачиваться по разнымъ случайностямъ, напр., вслѣдствіе пожара (см. ib. Ук. кн. Помѣстн. прик.). Итакъ, вотъ что предстояло сдѣлать прежде всего въ 1589 г.: собрать воедино всѣ узаконенія, вышедшія послѣ Судебника 1550 года, согласить ихъ какъ съ текстомъ Судебника, такъ и между собою и размѣстить въ систематическомъ порядкѣ кодекса.

То лицо, или тѣ лица, которымъ была поручена правительствомъ такая работа, должны быть избраны изъ числа наилучшихъ знатоковъ закона, т. е. изъ среды, тогдашнихъ дѣльцовъ приказовъ, у которыхъ указныя книги были постоянно въ рукахъ и которые знали, гдѣ искать другихъ указовъ, не находящихся у нихъ. Нельзя сказать, чтобы эта работа была чрезмѣрно трудная, чтобы указовъ накопились такія горы, что ихъ нелегко разыскать всѣ и свести и чего-либо не пропустить. Судя по тому, что вошло въ Уложеніе ц. А. М. изъ прежнихъ законовъ (а это было уже чрезъ 60 лѣтъ послѣ 1589 г., когда указная дѣятельность усилилась, въ особенности послѣ смутнаго времени),—судя, говоримъ, по этому, почти всѣ указы, вышедшіе послѣ Судебника, дошли до насъ (за исключеніемъ весьма немногихъ отдѣльныхъ указовъ и м. б. одной части указной книги приказовъ судныхъ) и всѣ они могутъ быть помѣщены въ одной небольшой книжкѣ. А изъ нихъ указы до 1589 года составятъ

развѣ небольшую тетрадь. Да и разыскать ихъ не представлялось никакой трудности: всѣ приказы ютились въ одномъ Кремлѣ; и, кромѣ того, приказовъ, вѣдавшихъ общія нормы права, было менѣе десятка (судные, помѣстный, холопій, земскій, разбойный).

Что же дѣлаетъ предполагаемый оффиціальный редакторъ проекта, или цѣлая коммиссія ихъ? Они знаютъ и включаютъ въ свой проектъ *только одинъ указъ*— 1556 г. Остальное все законодательство 1550—1589 г.г. игнорируется. Любопытно знать, опускаютъ ли они весь этотъ главнѣйшій матеріалъ свой сознательно, какъ ненужный, или пропускаютъ его по невѣдѣнію о существованіи его? Читатель можетъ самъ разрѣшить этотъ вопросъ по слѣдующимъ примѣрамъ. Судебникъ 1550 г. упустилъ изъ виду очень важный вопросъ: какъ взыскивать долги по приговору суда, сказавъ о несостоятельности почти только то, что было еще въ Рус. Пр., и упомянувъ о выдачѣ головою до искупа по обязательствамъ ex delicto и culpa (ст. 90); а какъ „править“ взысканія въ обычномъ порядкѣ гражд. исковъ—неизвѣстно. Составитель Суд. ц. Ѳ. I. не разъ натал-кивался на этотъ вопросъ, но также оставилъ его открытымъ; между тѣмъ еще въ 1555 г. (мая 5) данъ указъ, точно и подробно разрѣшающій этотъ вопросъ (см. Ук. кн. вѣд. казн., Ш): здѣсь установленъ и правежъ, и выдача головою, и переводъ. Почему же не воспользовался имъ проектъ 1589 г? Очевидно по невѣдѣнію о существованіи такого закона. Редакторъ, котораго оффиціально назначили бы для составленія проекта, не могъ его не знать или игнорировать.

Попробуемъ свести пропуски С. ц. Ѳ. I. къ основнымъ вопросамъ права.

Государство и общество 2-й половины XVI в. было въ высшей степени заинтересовано нѣсколькими вопросами государственнаго и частнаго права, назрѣвшими уже послѣ изданія Судебника 1550 г. Этимъ вопросамъ законодательство посвятило не мало усилій и во многомъ достигло опредѣленныхъ и важныхъ результатовъ. Назовемъ изъ нихъ: 1) вопросъ объ отношеніи церкви къ государству, въ частности о правахъ церковныхъ учрежденій на земельныя имущества; 2) о несвободныхъ состояніяхъ въ государствѣ, въ частности объ источникахъ несвободнаго состоянія; 3) о новой системѣ управленія (основанной на избирательномъ началѣ—земское) взамѣнъ системы кормленія (въ связи съ новою организаціею служилаго класса); 4) о вотчинныхъ правахъ князей и бояръ (о правѣ наслѣдованія и распоряженія вотчинами) и о помѣстномъ правѣ, которое какъ разъ въ это время складывалось въ особый типъ вещ-

ныхъ правъ; 5) изъ прочихъ предметовъ законодательства отмѣтимъ вопросъ о судебномъ представительствѣ и 6) существованіе отдѣльнаго уголовнаго кодекса.

По первому вопросу были изданы весьма значительныя соборныя уложенія 1551, 1572 и 1580 годовъ, которыя постоянно и приписывались къ указнымъ книгамъ приказовъ, т. е. принадлежали къ числу извѣстнѣйшихъ въ обществѣ законовъ, взятыхъ, такъ сказать, съ бою государствомъ. Лицо, избранное высшею властію для составленія оффиціальнаго проекта новаго кодекса, не могло не знать о такихъ узаконеніяхъ и не въ правѣ было ихъ игнорировать. Между тѣмъ въ Судебникѣ ц. Ѳ. І. нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія объ этомъ предметѣ.

По второму вопросу было издано не мало указовъ на пространствѣ времени между 1555 и 1589 годами. Этими указами внесено было много измѣненій и дополненій тѣхъ статей Судебника 1550 г., которыя говорятъ о холопствѣ. Оффиціальный проектъ новаго кодекса, какъ бы онъ ни былъ несовершенъ, не могъ ограничиться перепискою статей Судебника 1550 г., игнорируя послѣдующее законодательство. Напр., Судебникъ 1550 г. воспретилъ принимать въ частную кабалу дѣтей боярскихъ и ихъ дѣтей; но въ 1558 году данъ указъ, ограничивающій этотъ запретъ тѣмъ, что тѣ дѣти ихъ, которыя достигли совершеннолѣтія, но на службу (государеву) не приняты, могутъ поступать въ частную кабалу. Суд. ц. Ѳ. І. не только не внесъ этого новаго постановленія, но неправильно и недостаточно изложилъ и самый текстъ Судебника ц. Ивана Вас. Далѣе Судебникъ 1550 г. ничего не упомянулъ о плѣнѣ, какъ источникѣ рабства; затѣмъ по этому предмету состоялись важные указы въ 1556 и 1558 годахъ, а именно: плѣнники частныхъ лицъ остаются лишь въ пожизненномъ холопствѣ, а не въ полномъ рабствѣ; плѣнники государевы состоятъ на государевой службѣ; они, а равно и дѣти иноземцевъ новокрещенные могутъ поступить въ частную кабалу лишь тогда, когда въ государеву службу не пригодятся или уже отъ службы отставлены. Какъ могъ не знать или какъ могъ умолчать объ этомъ оффиціальный проектъ? Равнымъ образомъ, невозможенъ пропускъ закона 1558 г., карающаго столь важное зло, какъ подложныя крѣпости на вольныхъ людей, а также закона 1560 г. о томъ, что несостоятельность не можетъ вести къ полному холопству. Между тѣмъ ничего этого въ Суд. ц. Ѳ. І. не находимъ.—Но всего болѣе поражаетъ отсутствіе въ проектѣ слѣдовъ указа 1586 г. о холопствѣ,—указа, который внесъ существенныя измѣненія въ порядокъ укрѣп-

ленія холопства, установленный Судебникомъ 1550 г. Для насъ это было бы тѣмъ интереснѣе, что указъ 1586 г. до насъ не дошелъ. Но могъ ли онъ не дойти до правительственнаго редактора новаго кодекса, лишь три года спустя послѣ изданія этого указа?

По третьему вопросу уже проф. Ключевскій въ статьѣ, сопровождающей изданіе новаго памятника (стр. XXVI), замѣтилъ совершенно вѣрно: „послѣ реформъ Грознаго въ мѣстномъ управленіи и особенно съ изданіемъ цѣлаго ряда дополнительныхъ указовъ къ его Судебнику послѣдній во многомъ сталъ анахронизмомъ, и почувствовалась потребность согласить его съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ. Проектъ не оправдываетъ этого предположенія. Именно статьи проекта о мѣстномъ управленіи отличаются особенной сбивчивостью... Выходитъ по проекту, какъ будто и при ц. Ѳеодорѣ всѣ города продолжали управляться намѣстниками, не воспользовавшись правомъ, какое предоставилъ ц. Иванъ городскимъ и сельскимъ обществамъ, замѣнить кормленщиковъ выборными судьями, излюбленными головами и старостами“. Но если такъ, то кто же можетъ подумать, что предъ нами *оффиціальный* проектъ, хотя бы и крайне неудовлетворительный?

Составленіе проектовъ кодекса (какъ мы уже говорили) поручалось обыкновенно дьякамъ, иногда съ участіемъ бояръ. Нѣтъ сомнѣнія, что „оффиціальный“ проектъ Судебникъ 1589 года долженъ былъ выйти изъ тѣхъ же рукъ, т. е. изъ рукъ лицъ служилыхъ, получившихъ за службу помѣстья и вотчины. Есть ли какая-либо возможность предположить, что такіе авторы проекта забыли совсѣмъ о законахъ, касающихся вотчиннаго и помѣстнаго права? Въ Судебникѣ 1550 г. о вотчинахъ сказано весьма мало, а о помѣстьяхъ ничего. Между тѣмъ всѣ основныя черты помѣстнаго и вотчиннаго права были установлены указами, изданными послѣ Судебника Іоанна Гр. при этомъ царѣ и при ц. Ѳеодорѣ; таковы узаконенія: о размѣрахъ военной повинности, лежащей на вотчинахъ, о кругѣ лицъ, наслѣдующихъ вотчину, о правахъ вдовъ на вотчины мужа, о правахъ на жалованныя вотчины (ук. 1572 г. окт. 9), о вотчинахъ, купленныхъ изъ казны (1573), о таксѣ при выкупѣ родовыхъ вотчинъ (1557 г. авг. 5), объ особомъ характерѣ княжескихъ вотчинъ (ук. 1562 г. янв. 15), о распредѣленіи помѣстныхъ окладовъ по разрядамъ служилыхъ лицъ (одинъ изъ такихъ указовъ изданъ лишь за два года до Судебника 1589 г.: см. Ук. кн. Пом. прик. I, 1), о правѣ сдачи помѣстій сыновьямъ и отдачѣ ихъ на прожитокъ дочерямъ и вдовамъ.

Никакъ не можемъ допустить мысли, чтобы составитель правительственнаго проекта, дьякъ или бояринъ, а тѣмъ болѣе цѣлая

коммиссія такихъ лицъ могли не знать или выпустить изъ виду такія узаконенія, интересныя и для нихъ самихъ, какъ лицъ служилыхъ.

Въ 1582 году былъ данъ законъ о ябедникахъ, крамольникахъ и составщикахъ, весьма рѣшительно опредѣляющій отношеніе московскаго законодательства къ вопросу о судебномъ представительствѣ. Составитель С. ц. Ѳ. I. коснулся того же вопроса (ст. 131) и прямо воспретилъ участіе помощниковъ сторонъ въ процессѣ, не рѣшая этимъ, однако, вопроса о свободномъ представительствѣ для лицъ, не могущихъ явиться къ суду. Здѣсь было какъ разъ мѣсто воспользоваться закономъ 1582 г., но онъ этого не сдѣлалъ, явно по невѣдѣнію о такомъ законѣ.

Наконецъ, также необъяснимо, почему уголовные законы, вышедшіе послѣ Судебника 1550 г. и составившіе отдѣльное уложеніе (Уставн. книгу Разб. прик.), не введены въ проектъ и такимъ образомъ изъ него ускользнули всѣ измѣненія и дополненія, которымъ въ этомъ уложеніи подверглись немногіе уголовные законы Судебника царскаго, а также постановленія, касающіяся уголовнаго (розыскного) процесса и организаціи губныхъ властей. Полный кодексъ не долженъ бы допускать рядомъ съ собою цѣлыхъ уложеній.

Таковъ законодательный матеріалъ, бывшій въ рукахъ составителя Судебника 1589 года. Съ совершенною наглядностію бросается въ глаза высказанная выше мысль, что человѣку, живущему въ глуши сѣвера, попадается въ руки экземпляръ Судебника царя Грознаго съ единственнымъ указомъ, приписаннымъ къ нему (1556 года, т. е. однимъ изъ первыхъ и ближайшихъ къ Судебнику). Грамотный и любознательный владѣлецъ, вчитываясь, находитъ, что многое въ этомъ законѣ слѣдовало бы измѣнить и многое добавить, и начинаетъ оперировать надъ этимъ скуднымъ матеріаломъ, добросовѣстно воображая, что другого и нѣтъ. Отсюда и явились главные недостатки его проекта, которые отмѣтимъ ниже; при всѣхъ измѣненіяхъ, которымъ онъ подвергъ свои источники, тѣмъ не менѣе нерѣдко именно тѣ законы царскаго Судебника, которые измѣнены или исправлены и дополнены послѣдующими указами, остаются въ проектѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ рукъ законодателя въ 1550 году. Повторяемъ, что составитель проекта дѣлаетъ измѣненія и дополненія почти въ каждой статьѣ Судебника, но не на основаніи узаконеній, изданныхъ послѣ Судебника, а по своимъ личнымъ соображеніямъ и степени пониманія текста источниковъ.

Въ одной статьѣ проекта есть намекъ на знакомство автора его еще съ однимъ закономъ, именно указомъ 1588 г. о давности исковъ по обязательствамъ ex contractu. Но самый поверхностный анализъ этой статьи легко обнаруживаетъ, что составитель С. ц. Ѳ. I. не имѣлъ подъ руками текста этого указа, а зналъ о его содержаніи по наслышкѣ, какъ всякій обыватель; иначе онъ никакъ бы не могъ игнорировать другихъ темъ того же указа, именно о такъ называемыхъ выданныхъ кабалахъ и о подлогѣ долговыхъ актовъ.

Отношеніе Судебника и. Ѳ. I. къ формѣ и содержанію законодательныхъ источниковъ. С. ц. Ѳ. I. держится неуклонно формы своихъ источниковъ; онъ не смѣшиваетъ и не сводитъ ихъ статей въ одно цѣлое, въ какую либо новую систему. Онъ идетъ за ними статья за статьею: использовавши весь Судебникъ царя Іоанна IV отъ 1-й до послѣдней статьи въ порядкѣ этого памятника, онъ переходитъ затѣмъ къ ук. 1556 г. и точно также съ начала и до конца излагаетъ его статьи. Его собственныя, новыя статьи вставляются въ середину и присоединены въ концѣ. Но нѣкоторое видоизмѣненіе источниковъ допущено имъ и съ внѣшней стороны. А именно: проектъ 1589 г. расчленяетъ статьи царскаго Судебника и указа 1556 г. на отдѣльныя постановленія; иногда изъ одной статьи Судебника царскаго выкраивается до 5 статей. Иногда это не вредитъ дѣлу и даже содѣйствуетъ бо́льшему удобству при пользованіи закономъ; но иногда сопровождается искаженіемъ закона. Мы уже говорили, что изъ вступительной части ук. 1556 г., въ которой излагаются мотивы закона и которая не имѣетъ вовсе опредѣлительнаго характера, составитель Судебника 1589 г. создалъ двѣ статьи съ законною санкціею къ явному вреду смысла закона.

Слѣдуя неукоснительно порядку статей царскаго Судебника, проектъ 1589 г. тѣмъ не менѣе иногда вставляетъ между ними свои новыя статьи, прерывая логическую связь законовъ своего источника, а затѣмъ возвращается опять къ порядку Судебника царскаго. Такъ, въ статьяхъ о правѣ иска посадскихъ людей и крестьянъ (С. ц. 72—73) онъ сначала беретъ половину узаконенія царскаго Судебника (въ своихъ статьяхъ 127—129), потомъ вставляетъ свои новыя статьи (130, 131), съ инымъ содержаніемъ, и затѣмъ продолжаетъ текстъ Судебника царскаго (ст. 132), непосредственно связанный съ прежнимъ (ст. 127). Подобнымъ же образомъ, прервавъ рѣчь о давности (149—150) своими вставочными статьями (151—155: о судѣ старожильцевъ и пр.), авторъ опять продолжаетъ текстъ Судебника царскаго о давности (ст. 156).

Мы сказали, что составитель Судебника 1589 г. старается использовать весь, бывшій у него подъ рукою, законодательный матеріалъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ темы, которыя ставили Судебникъ 1550 г. и законъ 1556 г. Никто не сталъ бы упрекать автора проекта 1589 г. за такое добросовѣстное отношеніе къ источникамъ (хотя и во вредъ системѣ), если бы эта черта не приводила его весьма нерѣдко къ *анахронизмамъ*, т. е. къ изложенію такихъ законовъ, которые въ концѣ XVI в. перестали дѣйствовать, будучи отмѣнены или новыми узаконеніями, или послѣдующими фактами государственной жизни. Укажемъ здѣсь только на болѣе крупные примѣры. Когда создавался Судебникъ 1550 г., то на Руси было еще не мало удѣльныхъ князей какъ изъ среды Московской династіи, такъ и изъ потомства Тверскихъ, Ростовскихъ и Смоленскихъ вел. князей. И тогда уже значеніе ихъ, какъ владѣтельныхъ, очень понизилось; во всякомъ случаѣ за многими изъ нихъ сохранились остатки суверенныхъ правъ по внутреннему управленію, въ частности—по праву судебной власти. Поэтому Судебникъ царскій и долженъ былъ присоединить одну добавочную статью (100-ю), въ которой опредѣляется подсудность въ искахъ между царскими подданными и подданными удѣльныхъ князей. Съ тѣхъ поръ прошло немного времени, лишь около 40 лѣтъ, но за то какихъ лѣтъ! Неумолимый мечъ Грознаго царя смелъ послѣдніе остатки удѣльнаго времени: за князьями (и далеко не всѣми) въ ихъ прежнихъ удѣлахъ оставлены лишь частныя вотчины и притомъ съ правами владѣнія, ограниченными гораздо болѣе, чѣмъ права простого боярскаго владѣнія (ук. 1562 и 1572 гг.). Никакой судебной власти въ этихъ владѣніяхъ князья не имѣютъ (кромѣ общей патримоніальной юстиціи, какою обладали всякіе помѣщики—дѣти боярскія и дьяки). Никакого столкновенія подсудности жителей такихъ владѣній съ прочими подданными царя быть уже не могло. Но проектъ 1589 г., слѣпо слѣдя за статьями Судебника 1550 г., излагаетъ по порядку и статью 100-ю (въ своей ст. 204). Однако, выписавши начало статьи, онъ внезапно останавливается и не вноситъ всего главнаго большаго содержанія ея. Почему такъ? Думаемъ, что составитель самъ былъ остановленъ дальнѣйшими подробностями о правахъ удѣльныхъ князей, которыя въ его время уже не существовали. Ему бы надо было быть послѣдовательнѣе,—не выписывать и начала статьи съ постановленіями, давно отжившими и вымершими.

Другой рѣшительный примѣръ анахронизмовъ представляетъ большая часть статей, касающихся намѣстниковъ и волостелей. Дѣло

не въ томъ только, что этими статьями предъ глазами читателя воскресаетъ блаженной памяти система кормленія, какъ будто царь Грозный не похоронилъ ее реформами 50-хъ годовъ (какъ и замѣтилъ уже проф. Ключевскій; см. выше). Пусть кое-гдѣ уцѣлѣли еще намѣстники и въ 1589 г.; допустимъ даже, что и въ значительномъ количествѣ волостей сидятъ еще древніе волостели, а не земскіе судьи (что́, однако, допустить нѣтъ основаній),—могли ли сохраниться *порядки* и *права* системы кормленія? Эта система основана на смѣшеніи частнаго права съ государственнымъ: судъ и управленіе оплачиваются въ пользу кормленщиковъ. Съ паденіемъ системы кормленія такая-плата не уничтожается, а переходитъ въ пошлины въ пользу государства. Татищевъ сохранилъ намъ извѣстіе, что судебныя пошлины взяты въ казну при ц. Борисѣ. Но Судебникъ 1589 г. (въ ст. 10) свидѣтельствуетъ, что этотъ переворотъ совершился еще при ц. Θеодорѣ (значитъ до 1589 г.): „а судье пошлинные денги взяв держати у себя, доколе государь попытает“. Здѣсь терминомъ „судья“ обобщается понятіе какъ о центральныхъ, такъ и провинціальныхъ органахъ суда. Если такъ, то съ этимъ несогласимы всѣ статьи, касающіяся пошлинъ въ пользу намѣстниковъ и волостелей. Когда боярину пожалованъ городъ въ кормленіе, онъ ѣдетъ туда съ большою свитою: тіунами, праветчиками и доводчиками; все это его личные холопы. Чрезъ нихъ онъ будетъ потомъ творить судъ и управу въ пожалованномъ уѣздѣ. Эта движущаяся группа вполнѣ солидарна; за дѣйствія всѣхъ членовъ ея отвѣчаетъ намѣстникъ. Вотъ обстоятельства, вызвавшія ст. 22, 23 и 24 царскаго Судебника. Но такая картина совсѣмъ не соотвѣтствовала дѣйствительности въ 1589 году. Авторъ Судебника ц. Θ. l., выписывая эти статьи, старается приспособить ихъ содержаніе къ своей современности; но это ему вполнѣ не удается. Сначала (ст. 35) онъ по старинному отдѣляетъ намѣстничьихъ людей, какъ вполнѣ солидарныхъ съ намѣстникомъ, отъ волостныхъ людей, т. е. жителей провинціи, управляемой этимъ намѣстникомъ; за вторыхъ намѣстники не отвѣчаютъ. Но затѣмъ въ 36-й и 37-й статьяхъ, гдѣ ему пришлось излагать ст. 24-ю Судебника царскаго, онъ уже не могъ не замѣтить полной несовременности излагаемыхъ порядковъ; эти порядки оказались даже непонятными для него: почему (думалъ онъ) иногородцамъ предоставляется право иска на намѣстниковъ и ихъ людей только въ теченіе года? Почему этотъ краткій срокъ назначенъ для исковъ только на людей намѣстника, но не волостныхъ жителей? И вотъ нашъ авторъ начинаетъ мудрствовать по-своему. Онъ усмотрѣлъ въ этомъ поводъ къ установле-

нію давности исковъ на правителей вообще и на жителей одного уѣзда при искахъ иногородцевъ; при этомъ онъ забылъ о солидарности намѣстниковъ и ихъ людей и постановилъ, что иски на намѣстниковъ могутъ быть подаваемы только до году, а иски на ихъ людей, а также и на волостныхъ крестьянъ одинаково, со стороны иногородныхъ подлежатъ 8-лѣтней давности (изобрѣтенной имъ самимъ). Это повело его еще дальше: если рѣчь зашла о давности исковъ на правителей, то при немъ (въ 1589 г.) большинство правителей состояло изъ судей земскихъ; какую же давность положить для исковъ на нихъ? По причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, онъ отказалъ вовсе въ давности погашенiи такихъ исковъ: „доколе живъ будетъ“.—Такова невозможная попытка вливать вино новое въ мѣха ветхіе, и таковы ея результаты, т. е. результаты анахронизма въ законѣ.

Авторъ проекта иногда старается расширить законъ Судебника. Примѣромъ можетъ служить рядъ новыхъ статей о безчестьѣ, распространяющихъ статью 26-ю Суд. царскаго (ст. 52—52). Суд. царскій назначилъ штрафъ за оскорбленіе чести дѣтей боярскихъ, дьяковъ, гостей и торговыхъ людей, боярскихъ людей и крестьянъ; онъ не назначилъ безчестья духовенству, чинамъ земскаго управленія и ратнымъ людямъ (постоянныхъ войскъ); первымъ, думаемъ мы, потому, что церковь считалась отдѣльнымъ и неприкосновеннымъ учрежденіемъ: охрана чести ея представителей предоставлялась церковнымъ властямъ; вторымъ и третьимъ потому, что такихъ классовъ жителей еще не было въ 1550 году. Къ концу XVI в. въ первомъ отношенiи обстоятельства измѣнились: церковь все болѣе и болѣе входитъ въ кругъ государственныхъ учрежденiй, а представители ея (приходское духовенство) въ составъ земскихъ людей. Затѣмъ послѣ Судебника 1550 г. возникли земскія учрежденія и классъ лицъ, вѣдающихъ это управленіе, а также явились постоянныя войска (стрѣльцы). Поэтому составитель проекта 1589 г. имѣлъ основаніе дополнить законъ относительно трехъ упомянутыхъ классовъ. Но онъ взялся дополнить его и въ отношенiи къ другимъ мнимымъ классамъ и лицамъ,—и вполнѣ неудачно, какъ увидимъ сейчасъ, когда перейдемъ къ обзору другихъ источниковъ Судебника 1589 г.

Памятникъ 1589 г. иногда сокращаетъ содержаніе статей Судебника царскаго. Иногда эти сокращенія не имѣютъ никакихъ резонныхъ основанiй; напр., въ ст. 75-й выписывается постановленіе ст. 28-й Судебника царскаго о томъ, что протоколы судоговоренія дьяки должны держать у себя до окончанія дѣла; но затѣмъ все

остальное, т. е. что дьяки должны скрѣплять бѣловые списки и что подъячимъ запрещается держать у себя дѣла и пр., пропущено; почему? Всѣ невыписанныя части статьи имѣли серьезное значеніе и въ концѣ XVI в. Равнымъ образомъ ко вреду полноты закона опущены въ ст. 89-й постановленія ст. 41-й царскаго Суд. о безпошлинной отпискѣ срока служилыми людьми и пр. Въ ст. 96-й выпущено все наиболѣе интересное содержаніе ст. 47-й царскаго Судебника (объ организаціи товарищества недѣльщиковъ).

Не увеличивая примѣровъ неудачныхъ сокращеній, замѣтимъ, что иногда сокращенія, допущенныя въ Судебникѣ 1589 г., идутъ на пользу редакціи закона; напр., Суд. царскій въ ст. 72-й дѣлаетъ угрозу, что въ тотъ годъ, когда старосты и цѣловальники не пришлютъ разметныхъ книгъ въ Москву, имъ не дается суда на намѣстника; нечего и говорить, что государство не должно карать населеніе за его финансовую неисправность отказомъ въ правосудіи. Къ чести проекта 1589 г. надо отмѣтить, что онъ не повторилъ этой странности.

Судебникъ 1589 г. иногда удачно исправляетъ терминологію и текстъ Судебника 1550 г.; напр., Суд. царскій въ ст. 74-й ошибочно называетъ смѣсные суды (между лицами, подсудными разнымъ государственнымъ органамъ суда) судами „общими“ (какими именуются суды между лицами, изъ которыхъ одно подсудно церковному суду, или суду удѣльнаго князя). Судебникъ 1589 г. возстановилъ въ этомъ случаѣ правильный терминъ: „смѣсный“ судъ.—Судебникъ 1550 г. говоритъ, что судья не можетъ отказать въ судѣ жалобщику (истцу) „своего приказу“, т. е. подсудному ему; ну а если къ нему придетъ жалобщикъ не его приказу, ему не подсудный, и занесетъ жалобу на человѣка подсуднаго этому судьѣ? Конечно, духъ и другія статьи Судебника царскаго указываютъ, что судъ принадлежитъ судьѣ отвѣтчика и судья и въ этомъ случаѣ не въ правѣ отослать жалобщика. Тѣмъ не менѣе недосказанный текстъ закона требовалъ исправленія, которое и нашелъ въ Суд. ц. Ѳ. I.: „придет жалобщикъ его приказу, *или не его, иные волости*,... отъ себя проч не отсылати“.—Въ той же статьѣ (7-й) Суд. царскій, говоря о порядкѣ жалобъ государю на отказъ какого-либо судьи въ правосудіи, говоритъ: „и государь его жалобницу отошлетъ къ тому, чей судъ, и велитъ ему управу учинити“. Очевидно, на жалобницѣ должна быть какая-либо помѣта, что государь ее разсматривалъ и нашелъ ее подлежащею разсмотрѣнію извѣстнаго судьи. Но законъ объ этомъ ничего не упомянулъ. Суд.

ц. Ѳ. I. резонно дополняетъ: „и государь, *его жалобницу подписавъ, с нимъ же* отошлет к тому же“ (судьѣ).

Въ ст. 4-й Суд. царскаго за подлогъ или умышленно неправильную запись протокола суда дьякомъ опредѣляется взять съ него штрафъ въ половину меньшій штрафа, постановленнаго (въ ст. 3-й) за умышленное неправосудіе съ судьи (боярина и пр.). Но съ судьи взыскивается въ такомъ случаѣ истцевъ искъ и тройныя казенныя пошлины. Очевидно, что когда съ дьяка взыскивается за подлогъ въ половину меньше, то и истцевъ искъ также берется лишь въ половину. А кто же тогда удовлетворитъ неправо обвиненную сторону за другую половину иска? Почему будетъ терпѣть частное лицо, если виноватымъ окажется не бояринъ, а дьякъ?—Суд. ц. Ѳ. I. резонно исправляетъ этотъ недосмотръ закона, постановляя другую половину иска взять на судьѣ, „потому что знаючи дияка лъжіва, почто с нимъ судитъ?“, т. е. почему не требуетъ его увольненія.

Но самое интересное и цѣнное разъясненіе текста Судебника царскаго (ст. 58-й), уже упомянутое выше, дастъ Суд. ц. Ѳ. I. въ своей ст. 112-й. Судебникъ 1550 г. во второй половинѣ своей статьи говоритъ слѣдующее: „А мошенніку таже казнь, что и татю. А кто на омапщикѣ взыщетъ и доведетъ до него, что у іщеи искъ пропалъ; а омапщика, какъ ии приведутъ, что его бити кнутьемъ“. Этотъ темный текстъ вызвалъ разнорѣчивыя толкованія. Пр. Фойницкій, посвятившій спеціальный трудъ ученію о мошенничествѣ, не нашелъ въ этой статьѣ Судебника свидѣтельства о мошенничествѣ въ нашемъ смыслѣ слова, а видитъ здѣсь постановленія о двухъ разнородныхъ преступленіяхъ: мошенничествѣ въ древнемъ смыслѣ слова, т. е. мелкой карманной кражѣ (мошна—кошелекъ) и о стачкѣ повѣреннаго съ противною стороною (послѣднее онъ выводитъ изъ реставрированнаго имъ самимъ текста). Намъ всегда казалось, что сопоставленіе словъ: мошенникъ и обманщикъ, даетъ право заключить, что дѣло идетъ о мошенничествѣ въ точномъ смыслѣ слова (похищеніи чужого имущества посредствомъ обмана; см. Обзоръ ист. русс. пр., прежнія изданія). Теперь С. ц. Ѳ. I. даетъ окончательное разрѣшеніе вопроса въ слѣдующемъ исправленномъ изложеніи текста: „А хто па *мошеннике или на омапщике* взыщет того, что его оманул, и хоти его трою днем изымаешъ и доведеш на него, что его бити кнутомъ; а исцова иску не правити, потому что одинъ оманывает, а другои догадываисе, а не мечися на дешевое“. Тогда становится совершенно яснымъ, почему у іщеи искъ пропалъ? Потерпѣвшій потому лишается вознагражденія, что самъ подаетъ поводъ къ преступленію своею падкостію на деше-

визну. Здѣсь же содержится разъяснительное дополненіе и къ слѣдующимъ словамъ текста Суд. царскаго: „какъ ни преведутъ“, именно: по отношенію къ такому преступленію, какъ мошенничество, надо опредѣлить давность исковъ, ибо слѣды и доказательства обмана могутъ исчезнуть очень скоро, а потому составитель Суд. ц. Ѳ. I. замѣнилъ неопредѣленное выраженіе Суд. царскаго назначеніемъ точнаго срока давности—въ три дня.

Къ разъяснительнымъ измѣненіямъ текста относимъ мы и добавку въ ст. 115-й Суд. ц. Ѳ. I. конокрадства къ прочимъ видамъ преступленій, ведущихъ къ смертной казни по ст. 61-й Судеб. царскаго. Статья эта взята Судебникомъ 1497 г. изъ Псков. Судной грамоты (а изъ Суд. вел. кн. Іоанна III—въ Судеб. царскій); но во Псковской Суд. грамотѣ, именно въ числѣ такихъ преступленій находимъ конокрадство: „Крымскому татю и коневому... и зажигалнику, тѣмъ живота не дати“. Думаемъ, что и въ Судебникѣ царскомъ, въ первоначальныхъ его спискахъ стояло также: „и коневому“; быть можетъ, такой списокъ былъ и въ рукахъ составителя Судебника ц. Ѳ. I.

Кромѣ отмѣченныхъ резонныхъ и частію весьма важныхъ исправленій текста Судебника царскаго, проектъ 1589 г. измѣняетъ текстъ почти каждой статьи Судебника 1550 г. и указа 1556 г., частью по грамматической формѣ изложенія, частью по содержанію. Буквально сходныхъ статей съ статьями источниковъ его весьма мало, или почти нѣтъ. Но эти измѣненія или не имѣютъ никакого значенія (таковы всѣ статьи, изложенныя грамматически иначе), или имѣютъ отрицательное значеніе, т. е. представляютъ текстъ закона испорченный. Порча эта (какъ указано выше) двоякаго рода: она частію должна быть поставлена на счетъ неисправности рукописи (напр., вмѣсто: „раслѣдовати“,—„роздавати“), частью же зависѣла отъ скудости юридическихъ познаній автора проекта, что̀ нерѣдко было причиною неправильнаго и даже превратнаго пониманія имъ текста его источниковъ. Выдѣлить эти двѣ группы ошибокъ одну отъ другой не всегда возможно (особенно безъ подробнаго сличенія текстовъ двухъ памятниковъ) и потому весьма возможно, что многое, что съ перваго взгляда кажется грубою ошибкою составителя Суд. ц. Ѳ. I., должно быть отнесено къ винѣ переписчиковъ.

Интереснѣйшій примѣръ трудно объяснимыхъ ошибокъ представляетъ ст. 201-я Суд. ц. Ѳ. I., въ которой воспроизводится ст. 98-я царскаго Суд. Какъ извѣстно. Судебникъ 1550 г. установляетъ такой порядокъ дальнѣйшаго пополненія закона: когда встрѣтятся вопросы новые, не разрѣшенные въ Судебникѣ, то рѣшенія царя

и боярской думы по этимъ вопросамъ должны быть приписываемы къ Судебнику. Такъ въ самомъ дѣлѣ и было; изъ новыхъ указовъ, приписанныхъ къ Судебнику, составились въ каждомъ приказѣ указныя книги. Порядокъ понятный и нормальный. Но вотъ Суд. ц. Ѳ. I. даетъ совсѣмъ обратное постановленіе: „и те бы дела въ семъ Судебънике не приписываны были“. Почему же это? Почему нельзя присоединять къ Судебнику новые законы, утвержденные законодательною властью? Куда же ихъ помѣщать и гдѣ ихъ собирать? Тщетно мы стали бы тратить свою сообразительность, строя, напр., такія догадки: новый законодатель хотѣлъ намѣренно отдѣлить кодексъ отъ указовъ, отдѣлить право, составившееся изъ обычаевъ чрезъ судебную практику, отъ „чисто законодательнаго, вызваннаго новыми потребностями государства“ (см. „Суд. ц. Ѳ. I.“ стр. XXXVIII). Извѣстно, что въ дѣйствительности дѣло было какъ разъ наоборотъ: указы возникали изъ частныхъ случаевъ, встрѣчающихся въ судебной практикѣ, а въ кодексахъ дѣлались нововведенія, подсказанныя либо требованіемъ полноты системы, либо желаніями представителей населенія, либо усмотрѣніемъ власти (такъ, въ Уложеніе ц. А. М. введенъ цѣлый большой новый источникъ—Литовскій Статутъ; тамъ же содержатся нововведенія, сдѣланныя по требованію дворянъ и людей посадскихъ). Все это излишнія соображенія, ибо достаточно сличить тексты Судебника царскаго и Судебника 1589 г., чтобы увидѣть здѣсь простое искаженіе статьи Судебника царскаго.

Судебникъ царскій.	Судебникъ 1589 г.
Ст. 98.	*Ст. 201.*
А которые будутъ дѣла новые, *а въ семъ Судебникѣ не писаны*, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся,—и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати.	А которые дела будут новые *писаны* и как те дела з государва докладу и со всех бояр приговору вершатца, и те бы дела в семъ Судебънікѣ *не приписываны были.*

Самое естественное предположеніе, это то, что мы имѣемъ дѣло съ очевиднымъ искаженіемъ текста переписчиками, которые, во-первыхъ, пропустили цѣлую строку въ Суд. царскомъ: „а въ семъ Судебникѣ не“; во-вторыхъ, въ концѣ вставили (вопреки смыслу) частицу *не*. Такъ какъ подобныхъ искаженій бездна въ каждой статьѣ памятника (напр., въ слѣд. 202 ст. вмѣсто: „прокли-

кати“, т. е. объявить законъ, читаемъ: „проклинати“), то дальнѣйшихъ разсужденій не требовалось бы. Но нѣкоторыя обстоятельства наводятъ на предположеніе, что въ такомъ абсурдѣ могъ быть повиненъ не переписчикъ, а самъ авторъ проекта. Быть можетъ, въ его экземплярѣ царскаго Судебника была пропущена строка: „а въ семъ Судебникѣ не“; выходило такъ, что новыя узаконенія уже записаны въ Судебникѣ; тогда автору нашего памятника показалось страннымъ, зачѣмъ же ихъ опять записывать въ другой разъ? Онъ и *исправилъ* конецъ статьи: „те бы дела в семъ Судебъшке не приписываны были“.

Третья главнѣйшая причина измѣненій текста источниковъ заключается въ необходимости приспособленія ихъ къ новому состоянію права, которое современно составленію проекта. Хотя онъ часто, какъ мы видѣли, грѣшитъ анахронизмами, но въ большинствѣ случаевъ долженъ былъ сообразоваться съ измѣненнымъ порядкомъ вещей: органы судопроизводства и управленія существенно измѣнились, частноправныя воззрѣнія уступили мѣсто государственнымъ, пошлины взяты въ казну и т. д. Такимъ образомъ, авторъ уже съ 1-й статьи дѣлаетъ отступленія отъ текста Судебника царскаго; напр., въ числѣ судей не ставитъ казначеевъ и дьяковъ и взамѣнъ ихъ именуетъ „земскихъ судей“. Въ статьѣ о пошлинахъ (10) онъ дѣлаетъ знаменательную прибавку (приведенную выше) о томъ, что судьи, получивъ пошлины, должны хранить ихъ, пока государь попытаетъ. Во многихъ статьяхъ онъ дѣлаетъ приспособленія къ новому воззрѣнію на судебные поединки, окончательно потерявшіе кредитъ въ глазахъ общества и правительственныхъ сферъ; онъ старается, гдѣ можно, замѣнить поле другими доказательствами, часто ко вреду смысла закона и въ противорѣчіе съ самимъ собою (см., напр., ст. 21 и 30, противорѣчащія ст. 28 и ст. 101; см. также ст. 36—38, приведенныя выше, и т. д.). Нерѣдко отступленія отъ текста Судебника 1550 г. вызываются приспособленіями общихъ законовъ къ деревенскому быту, который преимущественно имѣется въ виду проектомъ 1589 года (см., напр., ст. 94, 97, 106).

2. *Собственныя соображенія составителя проекта.* На чемъ основаны дополненія прежняго закона, сдѣланныя проектомъ 1589 г.? Гдѣ источникъ его новыхъ постановленій? Внимательный читатель довольно легко различитъ здѣсь два источника: 1) собственный разумъ составителя и 2) живое обычное право. Есть предположеніе, что въ Суд. 1589 г. можно отыскивать еще одинъ источникъ, а именно судебные приговоры, которые дополняли законъ, будучи

утверждены высшею властію на докладѣ (см. „Суд. ц. Ѳ. 1.“, стр. XXVIII—XXIX). Мы не можемъ согласиться съ этою мыслію. Если бы проектъ имѣлъ оффиціальное значеніе, то такой источникъ былъ бы для него не обязателенъ. Судебная практика даетъ прецеденты для будущихъ рѣшеній по аналогичнымъ вопросамъ, но этимъ не создаетъ дополнительныхъ законовъ. Лишь тогда, когда высшая власть, давая рѣшеніе по частному дѣлу, обращаетъ его въ общій законъ, лишь тогда онъ становится обязательнымъ источникомъ для будущихъ кодификаторовъ. При инициативѣ закона, исходящей отъ судебныхъ органовъ, казуальная сторона вся отбрасывается, остаются отвлеченные вопросы—„статейные списки“. Если такіе списки утверждены законодателемъ (не въ качествѣ судебной инстанціи), то они обращаются въ законъ—указъ, который и припи сывается къ Судебнику. Такое творчество закона указано въ Судебникѣ 1550 (ст. 97); въ такомъ видѣ оно и совершалось все время отъ Судебн. до Улож. ц. А. М. Тѣ времена (времена Рус. Пр.), когда судебныя рѣшенія по частнымъ случаямъ непосредственно заносились въ сборникъ законовъ (см. Р. Пр. Ак. 21) давно миновали и отмѣнены положительнымъ закономъ Судебника. Извѣстно, что составители Уложенія ц. А. М. ничего не внесли въ кодексъ изъ судебной практики.

Лицо или лица, составлявшія проектъ 1589 г. ex officio, не могли поэтому считать этотъ источникъ обязательнымъ для себя.

Но этотъ проектъ не есть проектъ оффиціальный и, какъ увидимъ сейчасъ, допускаетъ собственныя новаторскія попытки составителя, взятыя непосредственно изъ личныхъ соображеній. Слѣдовательно, ничто не препятствовало ему обратиться и къ судебнымъ рѣшеніямъ, насколько они были извѣстны ему и казались пригодными. Однако, точный анализъ старыхъ и „новыхъ статей“ убѣждаетъ насъ, что авторъ проекта былъ мало знакомъ съ судебною практикою и, какъ было уже показано, совсѣмъ не юристъ. Цѣлый рядъ новыхъ статей долженъ быть приписанъ исключительно его разуму—личному соображенію. Таковы именно всѣ повыя статьи о безчестьѣ. Половина ихъ составляетъ не дополненіе закона, а его отмѣну или измѣненіе; напр., въ Судебникѣ 1550 г. всякому крестьянину пашенному и непашенному назначается безчестья рубль; по проекту 1589 г. крестьянинъ пашенный получаетъ также рубль, но онъ отличается отъ добраго крестьянина, которому безчестья 3 рубля. Откуда могло быть взято это постановленіе? Его изобрѣлъ составитель проекта по своей доброй волѣ и разумѣнію. Къ такому выводу приводитъ разсмотрѣніе признаковъ „доброты“ крестьянина,

именно добрымъ признается крестьянинъ, „которой торгует, или деньги и рож взаимы даетъ“ (причемъ, конечно, подразумѣвается бо́льшая состоятельность такого крестьянина); какъ приказный дѣлецъ, такъ и законодатель ограничились бы терминомъ „добрый“, какъ и сдѣлалъ Судебникъ 1550 г. относительно боярскихъ людей, назвавъ ихъ добрыми и молодчими; законодатель и всякій судья никогда не рѣшился бы причислить къ высшему разряду крестьянъ *ростовщиковъ*; намъ извѣстно, какъ смотрѣло законодательство XVI и XVII вв. на ростъ.

Другая половина статей о безчестьѣ дополняетъ законъ (не измѣняя его). И въ этомъ рядѣ статей ясно личное усмотрѣніе составителя проекта. Никакой судья, а тѣмъ болѣе законодатель, не могъ бы назначить пятидесятскому и десятскому безчестья полтину (ст. 58), когда всякому пашенному заурядному крестьянину назначено безчестья рубль (ст. 50), а эти люди выборные изъ крестьянъ и до нѣкоторой степени власть имущіе. Никакой судья не могъ отказать въ безчестьѣ женѣ описнаго скомороха (ст. 65) [1]) и въ то же время назначить женѣ неописнаго скомороха вдвое противъ мужа, между тѣмъ какъ первый скоморохъ гораздо выше второго (1-й получаетъ 2 р., а второй—1 гривну).

Недописанная статья (70) о безчестьѣ матерямъ незаконныхъ дѣтей и вѣдьмамъ съ полною ясностью указываетъ на источникъ подобныхъ статей: составитель проекта еще не изобрѣлъ постановленія на этотъ счетъ и отложилъ его на будущее время: („промыслили“, т. е. „промыслимъ“?). Нигдѣ въ прежнихъ источникахъ, ни законодательныхъ, ни судебныхъ, авторъ Судебника 1589 г. не могъ найти ничего о безчестьѣ разбойникамъ и зажигателямъ, ибо если они уже признаны таковыми по суду, то подлежатъ смертной казни, а до осужденія ихъ они еще не разбойники и не зажигатели; очевидно, для подобныхъ исковъ вовсе не было мѣста.

Все вышеприведенное есть продукты авторства составителя проекта, часто исполненные ошибокъ и несовершенствъ, которыхъ отнюдь нельзя предположить ни въ судебныхъ рѣшеніяхъ, ни въ прежнихъ законахъ.

Подобные же слѣды чистаго авторства разсѣяны во множествѣ статей, не новыхъ, а взятыхъ изъ Судебника, но дополненныхъ или измѣненныхъ проектомъ 1589 года. Такова указанная выше 8-лѣт-

[1]) Издатель Судебника ц. Ѳ. I. ошибочно говоритъ (стр. XII), что въ безчестьѣ отказано женѣ „неописнаго“ скомороха.

няя давность исковъ и уничтоженіе давности исковъ на земскихъ судей. Таковы же нѣкоторыя нововведенія, которыя авторъ снабдилъ даже мѣткою: „по государеву указу“; напр., въ ст. 137 онъ говоритъ: „а по государеву указу по робе холопъ, а по холопе робы нетъ“. Нѣкоторые, повидимому, принимаютъ здѣсь ссылку на „государевъ указъ“ за дѣйствительную („Суд. ц. Θеод. Іоанн.“, стр. XIII и XXVII), т. е. это значило бы, что въ самомъ дѣлѣ былъ когда-то изданъ законъ въ такомъ смыслѣ. Разумѣется, такого указа не было и не могло быть; формула: „по робѣ холопъ, по холопу роба“, повторяется въ Уложеніи ц. А. М. (XX, 31) и исполнялась на всемъ пространствѣ времени отъ Суд. до Ул. ц. А. М. и потомъ. Здѣсь, очевидно, мы встрѣчаемся съ новаторствомъ составителя проекта, его личнымъ воззрѣніемъ, которое нуждается въ особомъ спеціальномъ утвержденіи государя, какъ прямо противорѣчащее закону. Для этого-то именно онъ и прибавилъ: „по государеву указу“, предполагая, что проектъ когда-нибудь пройдетъ. Мы отчасти можемъ угадать тотъ резонъ, который руководилъ авторомъ при изобрѣтеніи этого новшества. На чемъ основано правило: „по робѣ холопъ, по холопу роба“? На вниманіи къ правамъ владѣльца, которыя могли пострадать при конкурренціи съ ними брачныхъ правъ: если свободный женится на рабѣ, то эта послѣдняя должна слѣдовать за мужемъ. отъ доброй воли котораго зависитъ оставить ее у господина, или взять; нѣтъ другого способа предотвратить это, какъ обративъ самого мужа въ холопство тому же господину. Но если холопъ женится на свободной, то такой опасности для правъ владѣльца нѣтъ: жена должна слѣдовать въ домицилій мужа и оставаться въ немъ не въ силу правъ господина, а въ силу правъ мужа. Въ такомъ случаѣ (полагалъ составитель проекта) можно было обойтись безъ примѣненія строгой законной формулы: „по холопу роба“.

Можно указать и другіе многіе примѣры новшествъ, имѣющихъ свой теоретическій резонъ и дѣлающихъ иногда честь уму автора, но отнюдь не основанныхъ на какихъ-либо прежнихъ источникахъ правъ.

Въ ст. 148-й выписывается постановленіе ст. 83-й Судебника царскаго о договорѣ личнаго найма (l. c. operarum): наймитъ, ушедшій до срока, лишается заработной платы. А если жизнь наймита у какого-либо господина становится невыносимою? Рус. Пр. даже для закуповъ оговорила право выхода къ судьѣ съ жалобою на обиды господина. Судебникъ 1550 г. не даетъ наймиту никакихъ гарантій, С. ц. Θ. І. прибавляетъ: „а вины на государя не скажетъ“, значитъ даетъ наймиту право жаловаться на обиды господина и въ случаѣ

доказанности ихъ наймитъ получаетъ право на плату за время, которое служилъ.—Далѣе господинъ можетъ выгнать наймита до срока; что жъ тогда? вознаграждается ли наймитъ, или нѣтъ? Судебникъ 1550 г. молчитъ; Суд. ц. Ѳ. I. прибавляетъ: „ему дати паемъ по розчету“ (хотя справедливость требовала бы уравнять права обѣихъ сторонъ и взыскать полную плату, а не по разсчету, если наймитъ не виноватъ). Ни въ какихъ источникахъ прошлаго времени авторъ Судебника 1589 г. не могъ почерпнуть этихъ постановленій въ пользу наймитовъ, ибо высшая власть и законъ шли противъ института свободнаго найма и стремились замѣнить его крѣпостнымъ состояніемъ (см. ук. 1555 г., окт. 11).

Совершенно очевидна попытка субъективной реформы и мотивы ея въ ст. 196-й проекта, гдѣ постановленія царскаго Судебника о пятнаніи лошадей (ст. 94 и 95) подвергнуты измѣненію въ томъ смыслѣ, что пятнаніе и пошлины за него сохраняются лишь для городовъ и ихъ окрестностей, но въ волостяхъ отмѣняются, очевидно потому, что въ селахъ купля и мѣна лошадей не есть вѣтвь торговли, а дѣло хозяйственной необходимости. Это pium desiderium автора проекта такъ и осталось въ области пожеланій: пятнаніе продолжалось повсемѣстно и въ XVII в.

Точно также резонный мотивъ можно ясно усмотрѣть и въ нововведеніи ст. 215 С. ц. Ѳ. I., гдѣ кругъ лицъ, заслуживающихъ особаго довѣрія при обыскѣ простирается не на однихъ служилыхъ людей (какъ въ ук. 1556 г.), но и на добрыхъ людей волостныхъ—крестьянъ, цѣловальниковъ, старостъ земскихъ и церковныхъ.

Иногда причиною нововведенія является стремленіе автора поддержать законъ противъ вторженія практики, нарушающей его; такъ, въ ст. 4-й, сравнительно съ Суд. царскимъ (ст. 4), сдѣлана такая добавочная вставка относительно дьяка, виновнаго въ подлогѣ суд. актовъ: „а руки ему не сѣчь“. Ради чего это добавлено, когда и Судебникъ 1550 г. не устанавливалъ отсѣченія руки за подлогъ? Очевидно, практика въ концѣ XVI в. уже ввела этотъ родъ наказанія за подлогъ вопреки закону. Но нашему автору не удалось остановить развивающееся направленіе, и въ Ул. ц. А. М. уже узаконено это наказаніе (впрочемъ, подъячему, но не дьяку).

Къ реформаторскимъ поползновеніямъ относимъ мы то постановленіе С. ц. Ѳ. I., въ которомъ онъ (ст. 23) излагаетъ по-своему указъ 1588 г. о давности исковъ по долговымъ обязательствамъ. Указъ ясно говоритъ, что долгъ и ростъ взыскивается по кабалѣ не старѣе 15 л., но при этомъ ростъ взыскивается за всѣ 15 лѣтъ („деньги правити *да росту* на всѣ 15 лѣтъ“). Между тѣмъ С. ц. Ѳ.

I. постановляетъ взыскивать ростъ только за 5 лѣтъ. Къ такому пововведенію авторъ, можетъ быть, былъ приведенъ воззрѣніями обычнаго права, которыхъ не принялъ во вниманіе законодатель 1588 г. и которыя, наконецъ, проникли въ законъ въ 1626 г. (см. Ук. кн. Зем. прик. ст. XII). Здѣсь же находимъ еще одно пововведеніе, именно слѣдующее: 15-лѣтняя давность погашаетъ искъ о долговомъ обязательствѣ, но „съ государева вѣдома“ можно искать и свыше 15 лѣтъ. Въ этомъ сказался русскій обыватель, не юристъ, которому чужды и непонятны абсолютныя формулы, основанныя на искусственномъ установленіи закона. Какой нибудь срокъ нуженъ, но почему-де непремѣнно 15 лѣтъ? Бываютъ обстоятельства, когда и позже этого срока на сторонѣ кредитора остается справедливость. Впрочемъ, здѣсь могло сказаться и вліяніе обычнаго права, которое въ древней Руси не признавало давности по обязательствамъ, Есть здѣсь же и третье новшество, но совершенно непонятное, быть можетъ, по испорченности текста, именно: на крестьянъ кабалу предписывается писать *вдвое*. Въ буквальномъ смыслѣ этотъ текстъ представляетъ только нелѣпость; но авторъ имѣлъ въ виду что-то сказать о спеціальныхъ особенностяхъ кабалы на крестьянъ.

Личное соображеніе автора очевидно и въ той (108) статьѣ Суд. ц. Ѳ. I., въ которой постановляется смертная казнь (вмѣсто пожизненной тюрьмы, какъ положено въ ст. 56 Суд. царскаго), для вора, обличеннаго на повальномъ обыскѣ, хотя и не сознающагося на пыткѣ. Такого постановленія онъ не могъ ни откуда заимствовать, ибо оно противорѣчитъ не только прежнему закону (судебнику), но и новому указу ц. Ѳеодора Іоанновича. Уставная книга Разбойнаго приказа (ст. 8), которая и вызвала указъ Ѳеодора Іоанновича, имѣетъ другое содержаніе, именно она говоритъ: если потомъ на того же обвиняемаго прибудетъ иное лихо въ разбойномъ дѣлѣ.

Подобный же цѣлый рядъ пововведеній личнаго изобрѣтенія усматривается въ ст. 110 и 111-й С. ц. Ѳ. I., въ которыхъ прежній институтъ безусловной силы показаній нѣсколькихъ добрыхъ людей подвергся коренному измѣненію. Здѣсь число добрыхъ людей уменьшается; показанію одного судьи придается такая же сила, какъ показаніямъ группы добрыхъ людей; взысканіе безъ суда въ силу этихъ показаній ограничивается 10 рублями; наконецъ, эти показанія подлежатъ пересмотру чрезъ большой повальный обыскъ („міръ“). Для такихъ постановленій нѣтъ ни малѣйшей опоры въ существовавшихъ тогда законахъ.

Въ ст. 25-й авторъ Судебника даетъ новое постановленіе объ отбояхъ сторонъ, т. е. сопротивленіи исполненію судебныхъ рѣшеній; онъ рекомендуетъ въ этомъ случаѣ присылать донесенія объ отбояхъ въ Москву за поповскою рукою (для большей достовѣрности факта отбоя). Въ такомъ постановленіи не было надобности съ точки зрѣнія царскаго Судебника: въ распоряженіи намѣстниковъ были служилые люди; но послѣ и особенно для Сѣверной полосы Россіи была надобность: тамъ господствовало вполнѣ земское самоуправленіе, въ распоряженіи земскихъ властей не было служилыхъ людей.

Ясные слѣды субъективнаго авторства открываются и въ статьяхъ о судѣ надъ духовенствомъ (184 –187). Постановленія объ особой смѣшанной коммиссіи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ взамѣнъ доклада святителю (185), о подсудности клирошанъ земскимъ судьямъ (по искамъ на нихъ сторонніхъ людей), о подсудности ихъ во взаимныхъ тяжбахъ мѣстному попу—несогласны съ дѣйствовавшими тогда узаконеніями (Стоглавомъ); но также маловѣроятно, чтобы въ этой сферѣ искусственнаго соглашенія подсудностей (ревниво оберегаемыхъ духовенствомъ) могли установиться какія-либо нормы путемъ живого обычая, или практики; особенно сомнительна подсудность клирошанъ своему священнику.

Есть попытка субъективнаго творчества и въ области финансоваго права: въ ст. 231 авторъ проекта думалъ найти твердую опору для опредѣленія подсудности мѣстомъ уплаты дани; но поземельная подать (посошная), господствовавшая тогда, не вела къ этой цѣли, ибо земля могла принадлежать одному лицу въ разныхъ волостяхъ и уѣздахъ; поэтому онъ проектируетъ *поголовную* дань, вовсе не существовавшую въ то время, впрочемъ, уплачиваемую по раскладкѣ „міра“.

3. *Обычное право, какъ источникъ Судебника 1589 года.* Наиболѣе важная и цѣнная часть Судебника 1589 г. не та, что́ заимствована изъ законодательныхъ памятниковъ, и не та, которую сочинилъ самъ авторъ по собственному разумѣнію, а та, которую онъ заимствовалъ изъ обычнаго права.

Дѣйствительность такихъ заимствованій не подлежитъ сомнѣнію, ибо нѣкоторыя изъ правовыхъ явленій, занесенныхъ въ Судебникъ, извѣстны намъ и изъ другихъ памятниковъ обычнаго права; таковъ, напр., судъ старожильцевъ по вотчиннымъ и межевымъ тяжбамъ. Дальнѣйшія доказательства читатель самъ найдетъ сейчасъ, когда мы ознакомимся съ разными частями права, вошедшими въ Судебникъ изъ живой дѣйствительности.

Черты обычнаго права не сосредоточены всѣ въ однѣхъ только новыхъ статьяхъ Судебника. Многія изъ нихъ проникаютъ и въ статьи, заимствованныя изъ законодательныхъ источниковъ, а, можетъ быть, нѣкоторыя участвовали и въ созданіи нормъ, придуманныхъ самимъ составителемъ (см. выше о взысканіи роста за 5 лѣтъ).

Отмѣтимъ прежде всего термины, взятые Судебникомъ изъ обычнаго права и служащіе коррективомъ понятій, заимствованныхъ изъ законодательныхъ памятниковъ. Такъ, С. ц. Ѳ. I., говоря о большомъ повальномъ обыскѣ, согласно съ Судебникомъ царскимъ, вездѣ употребляетъ слово „міръ“ (ст. 111, 124 и др.), совершенно неупотребительное въ законодательныхъ источникахъ. Слово „міръ“ рисуетъ предъ нами иную картину повальнаго обыска: это не есть опросъ искусственной группы населенія на извѣстномъ пространствѣ отъ мѣстожительства обвиняемаго или отвѣтчика, на 15—20 верстъ (какъ иногда опредѣляетъ законъ); это есть мнѣніе общины, сплоченной разнообразными общими интересами, именно городской, или волостной. Міромъ называется именно собраніе членовъ такой общины. Такимъ образомъ, становится болѣе ясною связь повальнаго обыска съ древнимъ судомъ общинъ, а равнымъ образомъ причина паденія достоинства этого суда болѣе отчетливо указывается во вмѣшательствѣ сторонней силы—центральной власти.

Изъ терминологіи обычнаго права взято выраженіе (въ ст. 94-й) С. ц. Ѳ. I. „а въ трапезе отъ поруки 2 деньги“ (т. е. пошлины недѣльщикамъ и доводчикамъ). Хотя нельзя опредѣлить несомнѣнное значеніе этого термина, но, сопоставляя его съ терминомъ Иск. Судн. грамоты: „пиръ“, мы можемъ выразить догадку, что здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ извѣчныхъ порядкахъ, которые видоизмѣнялп обыкновенные, общіе порядки процесса, если дѣло возникало на пиру, или братчинѣ. Московскій законъ объ этомъ молчитъ.

Въ ст. 103-ей С. ц. Ѳ. I. встрѣчается выраженіе, замѣняющее слово—поличное, именно „узелъ“; съ того, кто приведенъ съ поличнымъ, взыскивается за „узелъ“ штрафъ въ пользу государя въ 30 рублей. Поличное могло состоять изъ мелкихъ украденныхъ вещей, связанныхъ воромъ въ узелъ; но предметомъ кражи и поличнаго могли быть и крупныя и живыя вещи: скотъ, лошади, орудія земледѣлія и пр. Какимъ же образомъ можно примѣнить общую мѣрку штрафа узлами? Очевидно, это техническое выраженіе древняго обычнаго права, требовавшаго, чтобы предметъ преступленія былъ связанъ съ преступникомъ и въ такомъ видѣ представленъ судьѣ. Судебные акты свидѣтельствуютъ, что даже при обвиненіи въ убійствѣ идея поличнаго (поимка на мѣстѣ преступленія) реализиро-

валась тѣмъ, что преступникъ привязывался къ ногѣ трупа. Самый институтъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, т. е. взиманіе штрафа въ пользу государственной власти за поличное, также неизвѣстенъ изъ законодательныхъ источниковъ, но вполнѣ подтверждается аналогіею литовско-русскаго права, въ которомъ поличное поступало въ пользу государства.

Кромѣ этихъ частныхъ терминовъ, насъ интересуютъ въ проектѣ Судебника такія выраженія, въ которыхъ отразились общеправовыя воззрѣнія людей конца XVI в. Напр., царскій Судебникъ въ своей ст. 80-й говоритъ, что если плѣнникъ освободится изъ чужой страны и явится „къ Москвѣ“, то освобождается; это типичное отождествленіе Москвы съ цѣлымъ государствомъ составителю С. ц. Ѳ. І., по москвичу и человѣку конца вѣка, уже казалось не согласнымъ съ идеею новаго государства и онъ ставитъ взамѣнъ того: „на Русь“. Въ концѣ памятника (ст. 228) читаемъ: „приговорил црь і великии князь, что по всеи моеи Руской земъли. по городом, и по селомъ, и по волостем земъли безъ управы не держати“. Конечно, подобныя выраженія принадлежатъ самому автору С. ц. Ѳ. І.; но этотъ авторъ, какъ мы видѣли уже, есть сынъ народа: мы въ правѣ смотрѣть на его произведеніе. какъ на литературный памятникъ народныхъ воззрѣній въ сферѣ государственной и частноправовой; напр., по воззрѣнію автора, государь есть источникъ законодательной (какъ и правительственной) власти: „судить ...і управы чинити по указу, какъ государь укажет. с котораго дни уложитъ“ (говорится во вступленіи); тѣмъ не менѣе, законотворящій органъ государства, чрезъ который совершается воля государя, очень сложный; въ него входятъ высшая церковная власть (патріархъ и митрополиты), князья и бояре и вселенскій соборъ (вступленіе). Въ этихъ членахъ законодательствующаго сословія легко отличить соборъ духовенства, боярскую думу и земскій соборъ. Относительно боярской думы въ томъ же вступленіи къ Судебнику ц. Ѳ. І. содержится еще очень интересное указаніе, а именно: перечисляя законодательные источники своего проекта, авторъ называетъ уставъ и уложеніе царя Ивана Васил—ча „и прежнихъ князей и бояръ“; слѣдовательно, по его взгляду (т. е. по убѣжденію народа), боярская дума есть непремѣнная часть законодательнаго органа. Что касается до земскихъ соборовъ, то хотя терминъ, употребленный здѣсь для обозначенія ихъ: „вселенскіи соборъ“, необыченъ для оффиціальнаго языка, но съ самаго ранняго появленія идеи земскихъ соборовъ, они были именованы въ *литературныхъ* памятникахъ (т. н. „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“) „вселенскимъ

совѣтомъ“: Это и есть литературно-народное, неоффиціальное имя ихъ (что. между прочимъ, снова указываетъ на частное происхожденіе проекта). Законодательная власть боярской думы установлена закономъ (Суд. ц. ст. 98); но законодательное значеніе соборовъ не опиралось ни на какой законъ. Тѣмъ не менѣе, по воззрѣнію народа, уже въ то время участіе соборовъ въ этомъ дѣлѣ являлось нормальнымъ.

Всѣ эти замѣчанія объ основныхъ формахъ государственнаго устройства приводятся нами, какъ указаніе на воззрѣнія народа конца XVI в. относительно столь важнаго предмета; а народныя воззрѣнія и составляютъ основу обычнаго права.

Что касается до примѣненія нормъ обычнаго права въ точномъ смыслѣ, то въ Московскій періодъ, повидимому, всего менѣе слѣдовало ожидать слѣдовъ его въ государственныхъ отношеніяхъ. Однако, въ С. ц. Ѳ. I. слѣды эти, и притомъ значительные, есть, именно въ сферѣ мѣстнаго управленія и повинностей сельскихъ общинъ. Главнымъ органомъ волостного управленія выступаетъ „міръ“, т. е. общее собраніе самостоятельныхъ членовъ волости. Такъ, провѣрка имущественной состоятельности крестьянина (при предъявленіи имъ иска на значительную сумму) производится міромъ (ст. 129). Провѣрка показаній добрыхъ людей по дѣламъ уголовнымъ поручается міру, причемъ составъ этого міра опредѣляется такъ: „добрыми христіяны черными, опричь миропродавцов“ (ст. 111).

Представителями мірскаго (волостного) управленія служатъ (согласно съ указаніями закона) судья, его товарищи, цѣловальники, сотскій и дьякъ; но законъ не опредѣляетъ срока ихъ службы: въ сѣверной полосѣ Россіи, повидимому, всѣ они избираются ежегодно; по крайней мѣрѣ, въ проектѣ предписано (ст. 135), что въ тотъ годъ, когда судья судитъ, онъ не обязанъ отвѣчать (по своимъ личнымъ дѣламъ?) предъ товарищемъ, между тѣмъ какъ товарищи, цѣловальникъ и сотскій (но не дьякъ) обязаны отвѣчать предъ судьею и въ тотъ годъ, когда состоятъ въ должностяхъ.

Волость есть центръ системы повинностей, не обозначенныхъ вовсе въ законѣ, но несомнѣнно существовавшихъ, какъ обычно-правовыя. Повинности эти ложатся на деревенскія общины и на владѣльцевъ участковъ земли, но отбываніе ихъ регулируется и провѣряется волостію. Таковы—а) поправка мостовъ: если по неисправности какого-либо моста лошадь получитъ какое-либо поврежденіе, то волость, въ которой это произойдетъ, должна разыскать, какой деревнѣ принадлежатъ та земля и мостъ; съ виновнаго взыскива-

ется требованіе истца безъ суда (ст. 223); б) устройство дорогъ по рѣкамъ и въ лѣсахъ: по рѣкамъ постановка вѣхъ зимою, а по лѣсамъ прочистка пути отъ деревьевъ на извѣстной ширинѣ (ст. 224).

Обращаясь къ частному праву, отмѣтимъ въ С. ц. Ѳ. l. нормы, взятыя изъ обычнаго права въ сферѣ семейнаго, наслѣдственнаго и вещнаго права.

Извѣстно, что старый законъ почти молчалъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, упоминая изрѣдка о нихъ лишь по поводу наслѣдства. Одна Псковская Судная грамота дала нѣсколько краткихъ постановленій на этотъ счетъ. Московское законодательство до XVII в. не содержитъ никакихъ указаній по этому предмету; въ XVII в. законъ нерѣдко заводилъ рѣчь о правахъ жены на имущество мужа, но съ точки зрѣнія, сторонней для семейнаго права, именно когда приходилось рѣшать вопросы о жалованныхъ и родовыхъ вотчинахъ.

Итакъ, составитель С. ц. Ѳ. l. не имѣлъ никакихъ законодательныхъ источниковъ для своихъ положеній, въ особенности относительно приданаго (ст. 192—193). Несомнѣнно, что эти положенія взяты имъ изъ обычнаго права; они, дѣйствительно, вполнѣ согласны съ тѣми нормами, которыя потомъ изъ обычнаго права перешли въ законъ. Яркій слѣдъ народныхъ обычаевъ оставленъ здѣсь терминомъ, обозначающимъ приданое, именно „взимки“. Два основныхъ положенія о приданомъ не возбуждаютъ никакихъ недоразумѣній: а) если по смерти получившей приданое остались дѣти, то приданое матери получаютъ они; если же она умерла бездѣтною, то приданое возвращается тому, кто его далъ; б) по смерти мужа право на приданое принадлежитъ женѣ. Но къ этому С. ц. Ѳ. l. добавляетъ нѣчто, составляющее не столь общеизвѣстную норму, а именно: вдова получаетъ (сверхъ приданаго) „полѣтное“ по 2 гривны; надо думать, что это замѣна обычной части „на прожитокъ“ изъ имущества мужа; здѣсь возбуждаютъ недоумѣніе вопросы: какъ можно таксировать въ видѣ пенсіоннаго оклада часть на прожитокъ, которая естественно сообразовалась съ величиною имущества, оставленнаго мужемъ, весьма разнообразнаго? Затѣмъ могла ли служить какимъ-либо обезпеченіемъ вдовы столь ничтожная пенсія? Единственнымъ отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить предположеніе, что дѣло идетъ о крестьянскомъ зауряднымъ бытѣ, гдѣ размѣры состоятельности не очень удаляются одинъ отъ другого и не настолько высоки, чтобы не дорожить гривнами.

Особый интересъ представляютъ постановленія *о наслѣдствѣ*. Черты обычнаго права выступаютъ здѣсь тѣмъ рельефнѣе, что со-

ставитель, твердо держась буквы Судебника царскаго, сопоставляетъ съ ними нормы обычнаго права, не взявши на себя труда согласить одинъ съ другими, несмотря на то, что онъ нерѣдко противоположны.

Прежде всего отмѣтимъ кругъ наслѣдующихъ по закону, изложенный въ ст. 190-й согласно съ Судебникомъ царскимъ (ст. 92), но съ слѣдующею характерною прибавкою: если нѣтъ нисходящихъ, то наслѣдство идетъ ближнему „отъ отчева (рода) *или отъ материна*". Какъ извѣстно, переходъ права наслѣдства въ родъ жены (за отсутствіемъ рода мужа) составляетъ весьма важный, но и весьма спорный вопросъ для древняго права. Такъ какъ составитель С. ц. Ѳ. I. человѣкъ простой и немудрствующій лукаво, то такого рода голословная отмѣтка заслуживаетъ вниманія. Если бы онъ самъ измыслилъ подобную повость, то онъ постарался бы ее развить и мотивировать; полагать надо, что въ данномъ случаѣ онъ отмѣтилъ извѣстную ему норму обычнаго права, не подозрѣвая ея важности. Если такъ, то мы имѣемъ здѣсь весьма цѣнное и единственное прямое свидѣтельство о предметъ столь спорномъ.

Другую интересную черту въ ученіи о правѣ наслѣдства С. ц. Ѳ. I. представляетъ относительно порядка *наслѣдованія нисходящихъ*, въ частности дочерей при сыновьяхъ. Въ одной статьѣ (ст. 190-й) этотъ памятникъ излагаетъ извѣстное постановленіе Судебника царскаго о томъ, что дочери наслѣдуютъ лишь за отсутствіемъ сыновей какъ въ движимомъ имуществѣ („статкахъ"), такъ и недвижимомъ („землѣ"). Но въ другой своей статьѣ (227-й), содержаніе которой взято не изъ Судебника царскаго (а, какъ думаемъ мы, изъ обычнаго права), излагается, повидимому, совсѣмъ иной порядокъ, а именно: „по смерти отца, всѣ дѣти—братья и сестры дѣлятъ имущество (движимое—„животъ") по равнымъ долямъ; дочери слѣдуетъ такая же часть, какъ и сыну". Какъ согласить столь противорѣчивыя постановленія? Говорятъ (см. „Суд. ц. Ѳ. Іоанновича", стр. XIII), что въ первой статьѣ (взятой изъ Судебника царскаго) надо разумѣть недвижимое имущество, во второй же (227) —движимое. Но мы сейчасъ видѣли, что и въ Судебн. царскомъ изложенъ порядокъ общій относительно всякихъ имуществъ („*статки*" и „земля"). Думаемъ, что единственный способъ разъясненія этого противорѣчія таковъ: составитель памятника, подчинившись Судебнику 1550 г. въ своей ст. 190-й, изложилъ дѣйствующее общее право; но затѣмъ (въ ст. 227), взявшись излагать порядки преемства, бывшіе у него передъ глазами—въ обычаяхъ крестьянъ сѣверной Россіи, не потрудился оговорить и объяснить ихъ отличіе отъ общей

нормы. Въ обычномъ же правѣ крестьянъ движимость—малоцѣнная рухлядь, дѣйствительно, могла подлежать ровному раздѣлу между дѣтьми обоихъ половъ, потому что приданое, которое обязаны дать сестрѣ братья, могло поглотить долю, одинаковую съ долями братьевъ. Земля не подлежитъ дѣлежу съ дочерьми, ибо составляетъ здѣсь предметъ общиннаго владѣнія. Подтвержденіемъ такого изъясненія дѣла служитъ то, что и всѣ прочія нормы, излагаемыя въ ст. 227-й, очевидно, взяты изъ живаго обычнаго права крестьянъ. А именно:

Здѣсь же указаны правила *объ открытіи наслѣдства* такого рода: наслѣдство открывается послѣ смерти отца, но не по смерти матери. Почему это? Надо думать, что составитель С. ц. Ѳ. I. имѣлъ въ виду, что смерть матери при жизни отца не даетъ права дѣтямъ на дѣлежъ ея имущества, которое продолжаетъ оставаться въ пользованіи и распоряженіи отца. Если же наслѣдство открылось по смерти матери—вдовы, то дѣлежа опять нѣтъ, ибо имущество ея получаетъ тотъ, кто ее докормилъ до смерти (у кого она жила и умерла, какъ постановляетъ и нынѣшнее обычное право крестьянъ).

Далѣе: *при дядѣ* также нѣтъ дѣлежа наслѣдства. Опять мы имѣемъ предъ собою порядки, до сихъ поръ живущіе въ сложной крестьянской семьѣ: если по смерти главы семьи остается его братъ хозяиномъ, то дѣти умершаго не въ правѣ потребовать выдѣла части имущества отца,—раздѣлъ могъ быть совершенъ лишь по взаимному согласію всѣхъ членовъ семьи.

Относительно наслѣдованія *по завѣщанію* Суд. ц. Ѳ. I. беретъ нѣсколько живыхъ и интересныхъ чертъ изъ обычнаго права въ свою ст. 191-ю. А именно:

Духовная по составленіи ея находится на храненіи у отца духовнаго въ теченіе 6 недѣль. Если завѣщатель выздоровѣлъ, то по минованіи означеннаго срока духовная уничтожается. Почему такъ? Очевидно, не было въ обычаѣ составлять завѣщаніе заблаговременно; сила духовной сохраняется только за актомъ *предсмертнымъ*; только воля, выраженная въ этотъ роковой моментъ, получаетъ непреложную и безусловную силу, когда, предполагается, ни пристрастіе, ни ложь не могутъ осквернить мысль и дѣйствіе умирающаго. Но если больной выздоровѣлъ, то составленное имъ завѣщаніе, хотя и дано въ виду смерти, но уже лишается другого свойства завѣщанія, какъ *послѣдней* воли. Завѣщатель могъ совершить послѣ того (какъ обыкновенно и бываетъ) множество дѣйствій вопреки порядку, установленному въ завѣщаніи. Итакъ, во всякомъ случаѣ оно подлежитъ уничтоженію. Затѣмъ, если завѣ-

щатель умеръ, то духовная остается и тогда на рукахъ священника въ теченіе 6 недѣль послѣ смерти завѣщателя, и лишь по минованіи этого срока выдается наслѣдникамъ, т. е. приводится въ исполненіе. Здѣсь уже нельзя найти другого мотива, кромѣ религіознаго народнаго вѣрованія, что душа умершаго разстается съ землею и ея интересами лишь черезъ 40 дней по смерти; до тѣхъ поръ продолжается хотя и загробная, но земная жизнь ея. Было бы оскорбительно для памяти умершаго, если бы уже въ этотъ промежутокъ времени наслѣдники начали свои распоряженія имуществомъ.

Въ томъ же постановленіи находимъ указаніе на порядокъ составленія завѣщанія; какъ грамота духовная, какъ объявленіе послѣдней воли умирающимъ, она предполагаетъ присутствіе отца духовнаго и, строго говоря, только отца духовнаго (объ остальныхъ свидѣтеляхъ памятникъ умалчиваетъ). Попъ есть единственный органъ, чрезъ который дѣлается выявленіе послѣдней воли; онъ—единственно достовѣрный свидѣтель; онъ же—душеприказчикъ и хранитель завѣщанія. Эта роль духовнаго отца довольно ясно, но не такъ исключительно выступаетъ и въ завѣщательныхъ актахъ, дошедшихъ до насъ; слѣды ея уцѣлѣли и въ дѣйствующемъ, современномъ намъ, правѣ въ томъ, что свидѣтельство отца духовнаго равняется свидѣтельству двухъ простыхъ лицъ. Такое рѣшительное участіе духовенства въ дѣлѣ составленія завѣщаній было причиною, что все завѣщательное право находилось въ вѣдѣніи церковной власти.

Относительно права завѣщательныхъ распоряженій находимъ въ анализируемомъ постановленіи такое указаніе: завѣщатель можетъ признать въ духовной долгъ не свыше одного рубля, но и то съ оговоркою, чтобы были указаны обстоятельства, при которыхъ образовался такой долгъ. Итакъ, завѣщаніе можетъ служить актомъ, доказывающимъ наличность обязательствъ; та часть духовныхъ, гдѣ писалось: „дати мнѣ такому-то столько-то“ и „взяти мнѣ у такого-то“, не есть только инвентарь для справокъ наслѣдника; она имѣетъ и юридическую силу доказательства извѣстнаго правоотношенія (конечно, тогда, когда долгъ —„безкабальный“), но, разумѣется, силу ограниченную: подъ видомъ долга можно было обременить наслѣдство выдачами во вредъ наслѣдникамъ. Особенно здѣсь могли имѣться въ виду отказы въ пользу церковныхъ учрежденій и лицъ. Въ С. ц. Ѳ. I. эти ограниченія опредѣлены суммою долга и указаніемъ обстоятельствъ совершенія его. Такимъ образомъ, здѣсь существенно ограничивается воля завѣщателя въ распоряженіи своимъ имуществомъ.

Такое постановленіе имѣетъ не тотъ обыкновенный смыслъ, что признаніе должника замѣняетъ актъ (кто въ этомъ сомнѣвается?), а тотъ, что безъ этого признанія въ завѣщаніи кредиторъ не можетъ воспользоваться никакими другими доказательствами безкабальнаго долга. Если же признать за этимъ постановленіемъ и активную сторону, т. е. засвидѣтельствованіе долговъ сторонних лицъ въ пользу завѣщателя, то оно получаетъ для насъ еще большую важность. Долгъ безкабальный удостовѣряется заявленіемъ кредитора въ его завѣщаніи. Все это не должно насъ очень удивлять, если мы вспомнимъ постановленіе Псков. Судной грамоты (ст. 14), что на наслѣдникахъ по завѣщанію нельзя искать по неформальнымъ актамъ никакого долга, если о томъ не было упомянуто въ завѣщаніи. Равнымъ образомъ и сами такіе наслѣдники не могутъ искать на сторонних лицахъ ни по какимъ обязательствамъ въ пользу наслѣдодателя безъ заклада и безъ записи. Дерогативный характеръ этихъ постановленій указываетъ на прежніе порядки, которые имъ отмѣняются и которые сохраняются для наслѣдниковъ по закону (ст. 15): эти послѣдніе могутъ искать и даже отвѣчать и безъ формальныхъ актовъ по обязательствамъ умершаго.

На сколько авторъ С. ц. Ѳ. I. оказывается некомпетентнымъ въ сферѣ общаго вещнаго права, на столько же онъ является знатокомъ мѣстнаго обычнаго права, и именно *вещнаго права крестьянской среды*. Законосоставитель, москвичъ и приказный дѣлецъ (какъ мы уже упоминали), не могъ бы имѣть не только познаній, но даже интереса къ такимъ нормамъ изъ этой сферы права, которыми такъ обильно снабженъ Судебникъ 1589 г. Здѣсь мы можемъ сдѣлать лишь краткое указаніе на нихъ.

Права крестьянина на занятый имъ участокъ земли составляютъ права полнаго владѣнія, насколько они совмѣстимы съ правами общины или частнаго собственника, на земляхъ которыхъ располагаются эти участки. Крестьянинъ, переходящій изъ одного имѣнія въ другое, *продаетъ* свой участокъ преемнику. Права общиннаго владѣнія (складничества) обрисовываются слѣдующими чертами: каждый новый участникъ (складникъ) можетъ потребовать передѣла всѣхъ земель деревни, какъ полевыхъ (обработанныхъ), такъ и угодій. (Едва ли указанный здѣсь поводъ передѣла надо считать единственнымъ; передѣлы чаще совершались по поводу неравнаго нарастанія населенія). При передѣлѣ, положенное на землю удобреніе остается на ней. Передѣлу не подлежали сады и хмельники; часть усадебной земли могла быть въ случаѣ необходимости уступлена новому поселенцу. Но земля, занятая зданіями, и самыя зда-

нія составляли предметъ частнаго владѣнія и передѣлу не подлежали (ст. 159, 160). Вслѣдствіе выхода членовъ общины въ другую общину (или въ другое состояніе) могло образоваться (и образовывалось) владѣніе долями общинной земли для лицъ сторонних; оно технически называлось: „пахать наѣздомъ". Такъ какъ такое владѣніе очевидно вносило неправильность въ общинное хозяйство, то составитель Судебника 1589 г. проектировалъ воспретить его закономъ, предоставивъ такимъ наѣзжающимъ владѣльцамъ трехлѣтній срокъ для продажи своего участка или покупки прочихъ долей деревни; въ теченіе такихъ льготныхъ 3-хъ лѣтъ владѣлецъ обязанъ нести повинности, въ частности огораживать поля, поскольку придется на его долю (ст. 161). Высота огорожи опредѣляется точною мѣрою. Если эта повинность соблюдена, а потрава тѣмъ не менѣе произведена, то отвѣчаетъ уже не владѣлецъ участка, чрезъ который прошелъ скотъ, а хозяинъ скота (169). Умышленное произведеніе потравы карается, какъ тяжкое преступленіе—кнутомъ (ст. 170).

На отхожихъ пожняхъ обязанность городьбы (вопреки Судебнику царскому и Уложенію ц. А. М., X, 230) возлагается не на того, кто заводитъ тамъ пашню, а на того изъ двухъ сосѣдей, кто держитъ тамъ скотъ (ст. 171; сл. Суд. ц. ст. 86).

Одинъ изъ видовъ угодій составляетъ молодой лѣсъ, выросшій на прежнихъ обработанныхъ земляхъ. Такою „молодью" могутъ пользоваться члены общины („складники") сообща, по взаимному соглашенію; въ частности рубить этотъ лѣсъ и снова заводить пашню не можетъ одинъ складникъ безъ соглашенія съ другими; если онъ сдѣлаетъ это, то прочіе складники имѣютъ право на часть урожая въ засѣянномъ имъ полѣ (ст. 174).

Предметами угодій могутъ быть также „путики" (т. е. мѣста охоты, пчеловодства и рыболовства). Они составляютъ собственность деревни, которою не могутъ пользоваться жители другихъ деревень. Если возникнетъ споръ о нихъ между деревнями, то дѣло рѣшается показаніями старожильцевъ.

Владѣнія сосѣднихъ общинъ отдѣляются одно отъ другого межами, а отъ общихъ (государственныхъ) земель „осѣкомъ" (просѣкою). Эта просѣка должна быть такой ширины, насколько можетъ долетѣть топоръ, пущенный рукою.

За этою общею межою начинаются уже земли общія; а такъ какъ составитель С. ц. Ѳ. I. есть житель лѣснаго сѣвера, то онъ говоритъ объ общемъ „черномъ" лѣсѣ, который именуетъ царскимъ; такой лѣсъ позволяется распахивать всякому, кто сколько можетъ (ст.

175). Здѣсь имѣемъ слѣдующія черты понятій объ имуществѣ общемъ: а) оно не составляетъ предмета владѣнія какой-либо общины, хотя бы и очень широкой; напротивъ, оно подлежитъ пользованію всякаго; б) однако это имущество не есть въ точномъ смыслѣ ничье (res communis omnium, какъ воздухъ); оно есть имущество государственное. Первая черта ясно отличаетъ это понятіе отъ понятія объ имуществѣ общинномъ, которое имѣетъ своего частнаго хозяина въ лицѣ общины (вопреки мнѣнію тѣхъ, которые полагали бы, что эти понятія будто бы смѣшивались, или, вѣрнѣе, что общиннаго права вовсе не существовало, а то, что мы называемъ таковымъ, есть ошибочное обозначеніе пользованія ничьимъ имуществомъ). Вторая черта даетъ весьма важное указаніе на то, что нынѣшній принципъ русскаго гражданскаго права, о томъ, что всякая вещь никому въ частности не принадлежащая, принадлежитъ государству, не есть начало новое, а коренится въ древнѣйшихъ воззрѣніяхъ обычнаго права (вопреки римскому понятію о res nullius).

Таковы черты, очевидно заимствованныя Судебникомъ ц. Ѳ. I. изъ обычнаго права,— черты, на которыя мы не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній въ законодательныхъ памятникахъ, и потому въ высшей степени драгоцѣнныя для историка права.

Въ сферѣ уголовныхъ понятій обычное право дало не много матеріала составителю Суд. ц. Ѳ. I. Отмѣтимъ только положеніе объ истребленіи чужихъ домашнихъ животныхъ (ст. 225, 226). Прежде всего эти дѣянія не обложены уголовнымъ штрафомъ (какъ и въ Улож. ц. А. М. X, 282); установлено только частное вознагражденіе потерпѣвшему въ размѣрѣ стоимости животнаго. Но и частная отвѣтственность условлена тѣмъ, что дѣятель предварительно не положилъ извѣта другимъ складникамъ, т. е. не заявилъ, что извѣстное животное опасно, и убилъ его „неповинно“. Затѣмъ интересно, что оцѣнка производится „людьми добрыми“. Исключеніе составляютъ иски о собакахъ: цѣна назначается хозяиномъ собаки; если съ такой оцѣнкой не соглашается убившій ее, то этотъ послѣдній обязанъ далъ потерпѣвшему такую-же собаку, а до тѣхъ поръ обязанъ стеречь дворъ его подъ крѣпкою порукою.—Выше было замѣчено, что внесеніе конокрадства въ высшій разрядъ преступленій (по всей вѣроятности) было заимствовано не изъ обычнаго права, а изъ закона.

Мы далеки отъ намѣренія исчерпать весь запасъ нормъ обычнаго права, которыми такъ обиленъ и такъ цѣненъ новый памятникъ.

Сводя все вышесказанное, находимъ, что памятникъ, носящій имя Судебника ц. Ѳедора Іоанновича, есть памятникъ литературный, не имѣющій никакого оффиціальнаго значенія ни въ качествѣ закона, утвержденнаго высшею властію (но не опубликованнаго), ни въ качествѣ проекта, исполненнаго по рѣшенію правительства. Это частная работа человѣка малообразованнаго изъ простонародья сѣверной Россіи, который, по собственному почину, занялся переработкою Судебника царя Грознаго и указа 1556 г., приписаннаго къ нему, не зная другихъ узаконеній, вышедшихъ послѣ 1556 г., при чемъ рабски подчинился системѣ источниковъ, но зато вездѣ передѣлалъ ихъ языкъ и содержаніе и иногда, не понимая источника, искажалъ его смыслъ. Зато онъ присоединяетъ къ законодательнымъ положеніямъ не мало своихъ собственныхъ, измышленныхъ по собственному разумѣнію, и здѣсь обнаруживаетъ значительную силу ума, хотя нерѣдко вводитъ неудачныя новшества.— И въ такомъ видѣ памятникъ возбуждаетъ большой историческій интересъ, какъ голосъ изъ народа конца XVI в. по разнымъ вопросамъ государственной жизни и законодательства; но главнѣйшее и въ высшей степени важное значеніе онъ имѣетъ потому, что авторъ многое взялъ въ свою работу изъ живого обычнаго права сѣверной Россіи, явился передъ нами въ роли древняго вѣщателя права. Въ этомъ отношеніи памятникъ составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для исторіи права; находка его есть большое пріобрѣтеніе для науки.

Іюнь 1901 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА